

Александр Ширванзаде

Намус

С глубокой признательностью
посвящаю моей матери,
Овсанне Мовсесян.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Страшное бедствие разразилось над Шемахой в мае 1859 года. Цветущий губернский город мгновенно превратился в груду развалин. Тысячи семейств спокойно отдыхали у себя дома, не подозревая о надвигавшемся на них несчастье; сильным подземным толчком они были выброшены на улицу. Вопли и крики сорокатысячной толпы сливались с грохотом рушившихся стен и крыш, с ревом перепуганных животных и воем собак.

Первые минуты каждый думал только о себе. Матери, объятые неопишуемым ужасом, забыли о детях, за которых они в иное время готовы были отдать жизнь.

Но вот смятение слегка улеглось; люди, столпившиеся посреди улицы, поодаль от рушившихся стен, пришли в себя и стали разыскивать родных и знакомых. Истерические вопли, рыдания и крики слышались кругом.

— Ай, брат мой! Ай, брат мой, где ты? — кричит молодая девушка.

Она неистово рвет волосы и бьет себя в грудь. Ей не приходит в голову, что по обычаю молодая девушка не должна перед посторонними мужчинами даже рта раскрывать. Ей ни до кого нет дела. Безумным взглядом обводит она развалины, где заживо погребен ее любимый брат, а ведь всего лишь минуту назад он с ней разговаривал, шутил, играл... Простирая руки, мечется она по улице, умоляет помочь, вытащить мальчика из-под обломков, но у каждого свое горе и свои заживо погребенные. Наконец, обезумев, не видя ниоткуда помощи, она своими слабыми руками пытается отвалить первый тяжелый

камень. Но камень не поддается. Девушка бьется изо всех сил, кровь брызжет из-под ее ногтей. Напрасно! «Будь ты проклят, бесчувственный камень!»

И вдруг она с ужасом вспоминает, что стоит на могиле брата. С криком пытается бежать, но ноги подкашиваются, и она падает.

— О моя жена, о мои детки! Добрые христиане, помогите, здесь они, здесь! — стонет кто-то неподалеку. Из-под огромного бревна видна женская голова. Лица не распознать, до того оно изуродовано, разбито. Тут же две детские головки и две пары ручонок. В одной яблоко, в другой— кукла. Обезумевший отец тщетно пытается вытащить детей из-под бревна. Жена еле слышно стонет. Эта пытка тянется до тех пор, пока несколько более счастливых соседей не приходят на помощь несчастному.

В этот злополучный день подобные сцены встречались в Шемахе на каждом шагу: чудный город, гордость всего Кавказа, прославленный своими шелками и фруктами, превратился в глухое отсталое местечко.

* * *

В западной части города, в Молоканской слободе, ютятся рядом два маленьких одноэтажных домика. Оба скромные и невзрачные, они отличаются тем, что у одного есть окно на улицу, а у другого нет.

За час до землетрясения в одном из них у окна сидела женщина средних лет; это была Гюльназ, жена портного Бархудары. Поджав под себя ногу, она другой ногой упиралась в пол, покрытый ковром.

С улицы можно было разглядеть ее профиль. Лучи полуденного солнца, проникая сквозь железную решетку окна, освещали ее лицо.

На ее щеках, немного впалых, еще сохранился цвет юности, а большие черные глаза так и сверкали. Пышные волосы, выбиваясь из-под тонкой, цвета гвоздики шали, струились до самой талии.

Гюльназ вязала пестрый чулок, напевая вполголоса.

О горе мне! Меня схватили,

На вертеле изжарили,

Поели мясо, сыты стали,

А кости всюду разбросали.

Она была одна во всем доме. Бархудар еще не вернулся из мастерской, находившейся в другой части города, а их сын, пятнадцатилетний Смба́т, был в школе.

Ватага ребятишек под самым окном затеяла игру. Гюльназ то прислушивалась к их шумным голосам, то выглядывала на улицу. Там вместе с детьми резвилась ее десятилетняя Сусан; мать горячо любила ее и все беспокоилась, как бы кто ее не обидел.

Эта милостивая девочка была очень похожа на мать. Даже Бархудар, любясь дочкой, часто повторял: «Господи, какое сходство! Ну, точь-в-точь две половинки яблока!» Но не только отец — сама Гюльназ удивлялась этому сходству. Глядя на Сусан, она видела себя ребенком; как в зеркале, отражались в этом маленьком личике те же блестящие черные глаза с длинными ресницами, тот же правильный носик, розовые губки, цветущие щеки.

Среди детей, игравших с Сусан, был и одиннадцатилетний Сейран, сын Айрапета, горшечника, жившего в соседнем домике.

Между Сусан и Сейраном замечалась какая-то особая близость; это и понятно: дети жили рядом и часто встречались. Дружба эта особенно была заметна при драках и ссорах во время игр. Едва Сейран затеет с кем-нибудь драку, как Сусан уже бежит на выручку и своими маленькими цепкими ручонками что есть силы оттаскивает его противника, уцепившись за полу архалука. Если же Сейрану все же приходилось плохо, девочка бежала к его матери.

— Тетя Мариам, Сейрана бьют! — вся в слезах, дрожа от страха, призывала она на помощь.

И Мариам-баджи выбегала разнимать драчунов.

А если девочка затевала с кем-нибудь ссору, Сейран неизменно защищал ее.

Эта преданная дружба вызывала зависть у остальных ребятишек, а иногда и прямую вражду. Сейрана и Сусан дразнили, а подчас и награждали колотушками.

Все это было известно Гюльназ, поэтому она то и дело поглядывала на улицу. Лицо ее озаряла улыбка, когда она смотрела на свою Сусан. Ей не раз приходилось видеть, как личико ее дочки сияло от радости, когда Сейран, подойдя к ней, брал ее за ручку и тащил играть. Замечала она также, что Сейран явно грустил, не находя среди детей Сусан, хмурил брови и задумывался, если Сусан была чем-нибудь недовольна.

И тогда сердце матери начинало тревожно биться. Она вспоминала свое детство и глубоко вздыхала.

И вот, занятая своими мыслями, Гюльназ вдруг почувствовала сильный толчок. Она мгновенно поняла, в чем дело, бросила чулок и выбежала на улицу. Прежде всего она подумала о детях, затем о муже. Но Смбат был в школе: это далеко. Надо сперва отыскать Сусан.

— Гюльназ, Гюльназ! Где мои дети, мои дети?! — отчаянно кричала у ворот Мариам-баджи, мать Сейрана.

Ни жива, ни мертва, не в силах крикнуть, Гюльназ замерла на месте. И вдруг почему-то бросилась обнимать соседку.

— Пусти! Возьми себя в руки! Нужно искать детей! — оттолкнула ее Мариам-баджи.

На мгновение Гюльназ обессилела, но материнская любовь заставила ее очнуться; она помчалась за Мариам, бежавшей куда глаза глядят. Взволнованные женщины забыли, что ведь дети играли возле дома и должны быть где-нибудь поблизости.

Несчастные матери рвали волосы, терзали себе до крови лицо и грудь, с воплями металась по улице; вдруг какой-то ребенок, бледный и в слезах, крикнул, задыхаясь:

— Тетя Мариам, вон там под землей Сейран и Сусан, скорей откопайте их, а то они умрут!

Слова эти, точно ножи, пронзили сердца обезумевших матерей; они бросились к месту, указанному ребенком.

— Ой, дитя мое! Ой!..

Этот дикий вопль мог вырваться только из груди матери при виде гибнущего ребенка.

2

Мастерские Бархудара и Айрапета помещались в одном квартале и в одном ряду. И здесь они оказались соседями.

Гока Гюльназ, сидя у окна, вязала чулок, Бархудар работал у себя в мастерской. Поджав ноги, он сидел у небольшого столика и усердно шил.

Ему было лет пятьдесят; высокого роста, с густыми длинными усами, гладко выбритый, с круглыми карими глазами, глядевшими из-под нависших бровей, он был на вид худощав, но широкая спина и мощные плечи свидетельствовали о его крепком здоровье. Одет он был в капу¹ с откидными рукавами и трижды обтянутый голубым шелковым кушаком того же покроя архалук. Голову покрывала высокая остроконечная поношенная шапка черного бухарского каракуля; кое-где шерсть на шапке облезла.

Вместе с Бархударом работали подмастерье и три ученика. Своих помощников он и любил, и ненавидел; бывал с ними то ласков, то строг, смотря по тому, в каком находился настроении. Когда Бархудар был доволен их работой и поведением, он чисто отечески заботился о них, делал им подарки, зазывал к себе домой обедать или ужинать; даже старался устроить им шагирдан² покрупнее. Когда же он бывал не в духе или работа подручных ему не нравилась; он мгновенно свирепел: лицо и глаза наливались кровью, и он, не помня себя, швырял в учеников чем попало: ножницами, аршином, огарками, а подчас даже раскаленным утюгом. А то вдруг вскочит с места, поднимет виноватого мальчишку выше головы и бросит оземь. И тогда подручному казалось, что он летит с высокого дерева, — до того высок был мастер. Мало того, побитый не смел даже громко заплакать: за слезы хозяин мог наказать еще раз. Обычно несчастный мальчик, забравшись в угол, тихо плакал, глотал горькие слезы. А Бархудар немного погодя подходил к нему и начинал

¹ Капа — род верхней одежды.

² Шагирдан — своего рода «чаевые», ремесленники брали их с заказчика в пользу подмастерьев и учеников.

утешать, читать наставления, причем не подавая и виду, что раскаивается в своей суровости.

— Ну, будет, будет реветь. Вот снеси-ка лучше заказчику эту чуху³, да смотри, без шагирдана не приходи.

И подросток вытирал глаза, быстро забывая о побоях.

Как раз перед самым землетрясением Бархудар учинил свою обычную расправу над одним из мальчиков. Он запустил в него все аршины и огарки и уже вскочил было для рукопашной расправы, как неожиданно зашатался и опять сел.

— Уста⁴, скорей выходи, земля трясется! — крикнул подмастерье Саркис, одним прыжком вылетая на улицу. Бархудар и подростки мгновенно выскочили за ним.

— Запирай скорей лавку, Саркис, я сбегаю домой. — И Бархудар, сняв зачем-то шапку, пустился бегом.

Бежать было далеко, в другой конец города, да еще в гору, а это уже было не под силу взволнованному портному.

Вскоре он встретил Айрапета.

— Все пропало, Бархудар! Все кувшины перебиты...

— Коза думает о своей жизни, а мясник о ее мясе, — не взглянув на соседа, ответил Бархудар поговоркой.

Соседи продолжали свой путь. Бархудар шагал по журавлиному; маленький Айрапет еле поспевал за ним.

Смятение в городе все еще продолжалось. На улицах кишел народ; Бархудар и Айрапет с трудом прокладывали себе дорогу. На каждом шагу встречали они картины одну ужасней другой. Вот с базара несут, чей-то труп, обернутый ковром. Люди шагают молча, точно призраки, даже не плачут. Перед развалившейся лачугой сгорбленный старик дряхлыми руками бьет себя по голове: под развалинами остался его сын. А вот несколько ребятишек,

³ Чуха — верхняя мужская одежда.

⁴ Уста — мастер.

припав к телу матери, так страшно воют, что волосы становятся дыбом. Посреди улицы женщина рыдает над телом маленькой дочери; у ребенка разможжена голова, и мать, хватая прохожих за полы, дико кричит:

— Верните мне мою крошечку, мою единственную надежду! Это вы, нехристи, ее закопали! Не могли вовремя спасти!..

Но прохожие, мельком взглянув на ее налившиеся кровью глаза, только качают головами и, пробормотав: «рехнулась», спешат дальше.

Наконец Бархудар и Айрапет на своей улице.

Еще издали Бархудар заметил, что перед его домом теснится народ.

«Развалило, должно быть... Жена и дети погибли!» — содрогнулся Бархудар.

Айрапет тоже дрожал от страха. Навстречу им бежал бледный, взволнованный Смбат.

— И Сусан и Сейрана спасли. У Сейрана голова немного в крови... Но он не плачет, говорит — не больно... Смеется даже.

— А мать? Мариам-баджи? — спросил Айрапет.

— Живы, все живы. А я бежал к вам узнать, как и что. Торопитесь же, они все там, плачут.

Тут показались Гюльназ и Мариам-баджи.

Мариам-баджи, видя мужа живым и невредимым, не смогла удержать порыв радости и бросилась было обнимать его, но, вспомнив, что они находятся на улице, отпрянула назад. Скромная Гюльназ затаила свою радость.

— Все живы, — заговорила Мариам. — Сейрана и Сусан удалось спасти... Спасибо соседям, да помилует бог их покойников, спасибо, помогли вытащить детей.

— Ну, слава богу, слава богу! — в один голос твердили Бархудар и Айрапет.

— Только, Мариам-джан, разорились мы с тобой... Горшочки мои дзинь-дзинь... вдребезги... — сокрушался Айрапет. — Полное разорение... Точно кости мои трещали... Пойду взгляну, может, что и цело.

— Тьфу, надоел ты мне! — прикрикнул на него Бархудар. — Неблагодарный! Ты бы лучше перекрестился да бога благодарил, что все живы остались.

Оба домика уцелели. Только оградка кое-где по обвалилась. Бархудару с Айрапетом повезло; все лачуги соседей превратились в развалины.

Убедившись, что дети вне опасности, соседи отправились узнавать о судьбе родных и знакомых.

Часа через два они вернулись и рассказали, что, слава богу, все спаслись, только есть пострадавшие — кому голову помяло, кому сломало руку, ногу.

Но, видно по всему, народу много погибло. Человек пятьдесят, не меньше, — сказал Бархудар.

— Что ты? — перебил Айрапет. — Какие пятьдесят, когда весь город вопит...

Ну, Мариам-джан, видел я свою лавку: одна пыль. Словно кто нарочно перебил посуду. Все же я отобрал сотни две кувшинов больших, сотню маленьких, шесть карасов⁵, дюжину чашек — мак растирать, да расписных двадцать восемь; а остальное — тю-тю!

3

К вечеру в городе стало спокойнее. Вместо оглушительного шума теперь слышен лишь тихий плач. Из отдаленной, тюркской части города несется треск цимбал и барабанов; в темноте мужчины, женщины и дети отчаянно зывают: «Шах Гуссейн, вах Гуссейн!»⁶. От страшных криков растет всеобщий ужас. Это семьи тюрков оплакивают гибель своих родственников.

Воздух стал немного чище. Пыль от развалин улеглась. На ясном небе ярко сверкают звезды. На ночь расположились кто на дворе, кто просто на улице — и в палатках, и под открытым небом. Никто не решался оставаться дома: боялись, что толчок повторится.

Семьи Бархудара и Айрапета решили ночевать вместе. Гюльназ и Мариам разостлали на дворе несколько ковров и приготовили ночлег.

Вот уже двадцать лет эти две семьи связывает такая крепкая патриархальная дружба, какую не всегда удастся встретить даже между близкими по крови, родственными домами. Они привыкли делить и радость, и горе, и Айрапет при

⁵ Карас — большой глиняный кувшин для вина.

⁶ Молитвенный возглас у мусульман.

всяком удобном случае говорил Бархудару: «Сосед, подобный тебе, дороже двадцати родичей». Если один

из них попадал в затруднительное положение, другой спешил помочь ему.

Бывало, скажет Айрапет соседу:

— Бархудар, а ведь вчера на базаре этот скряга Саркис опять пристал ко мне.

— Да чего он хочет?

— Получить за лавку.

— Ну, ладно.

И на другой день Бархудар выручал соседа, рассчитавшись за него с надоедливым Саркисом.

Такая дружба помогала обоим семействам жить, почти не зная нужды.

— Суета сует. Сегодня в саду, завтра в гробу, — любил повторять Бархудар.

Этой неразрывной дружбе дивились остальные соседи. Никак не могли они понять, что связало таких несхожих характерами людей. Об этом много было разных толков. Иногда рассуждали так: каким это чудом яблоко и груша умудряются расти на одной ветке? Ведь один — бешеный волк, а другой — кроткая овечка: как же это они могут дружить? В конце концов придумали такую разгадку: один — осел, а другой — седло...

Но, как бы то ни было, Бархудар с Айрапетом были друзьями, и это побудило их ночевать сегодня вместе.

Расположившись на мягком тюфяке, облокотись на подушку, Бархудар покуривал из длинного чубука и о чем-то думал. Густые клубы дыма крепкой дагестанской махорки, выходя из-под пышных усов, медленно тянулись и застывали в воздухе. Подле сидел Айрапет. Сморщившись и перебирая крупные четки, он тоже раздумывал о чем-то.

Неподалеку Смбат, подсев к лампе, перелистывал книгу. Мариам-баджи и Гюльназ тут же во дворе хлопотали с ужином, перекидываясь словами, а Сусан с Сейраном уже лежали рядом на отдельных постельках слева от Бархудары. Голова Сейрана была повязана красным платком.

Спокойствие детей, хладнокровно рассуждавших о только что пережитом землетрясении, могло бы пристыдить взрослых.

— Мне под землей не слышно было, как мычала красная корова, — заметил Сейран.

— А вот я слышала. Уж она мычала, мычала, меня даже дрожь пробрала.

— А что она, с рогами?

— Да. И каждый рог вот с это дерево. — Сусан показала ручонкой на тутовое дерево.

— И глаза у нее были?

— Ну конечно. Вот какие, — складывая пальцы, пояснила девочка. — Я видела и рога, и голову, и глаза — все видела, все. Знаешь, она открыла рот и говорит мне: «Сусан, Сусан, я тебя проглочу». А из глаз, из ноздрей, изо рта так и пышет огонь, ни дать, ни взять как из нашего большого тондира⁷. Ты ведь видел наш большой тондир?

— Видел.

— Видел, какое пламя из него выходит, когда пекут хлеб?

— Да.

— Вот такое пламя выходило у коровы изо рта. «Пуф, пуф!» А язык, ой-ой, какой страшный! Точно поджаренный лаваш!

— Все ты врешь, — возразил Сейран, поправляя платок на голове, — не верю я тебе...

— Я вру? — и Сусан сердито подняла голову, откидывая со лба курчавые волосы. — А ты не знаешь, что под землей живет красная корона? Разве тебе неизвестно, что если ее выдоить и не оставить молока для теленка, она сердится, начинает бодаться, трясти землю и закапывает детей, вот как нас сегодня? Эх ты, ничего-то ты не знаешь!

— Нет, я это лучше тебя знаю, а только ты врешь, что видела ее под землей.

— Нет, это ты врешь, будто я ее не видела.

⁷ Тондир — особая печь, врытая в землю, на глиняных внутренних стенах которой выпекают хлеб — лаваш и чурек.

— Ха-ха-ха!

— Смейся, а если не веришь, спроси отца.

— Ну, что вы там? Что за спор? — И Бархудар вынул изо рта недокуренную трубку.

— Да вот Сейран не верит, что под землей живет красная корова.

— Вот и неправда, я верю, — начал оправдываться Сейран.

— Есть, детки, есть корова. Кто же сегодня тряхнул так землю? — объяснил Бархудар, нежно погладив дочь и поцеловав ее в лоб.

— Кто же маг рассердить корову? — спросил Сейран.

— А вот такие шалуны, как вы.

— Мы не виноваты, мы ничего не сделали.

— Как это ничего? Шалите, никого не слушаетесь, ссоритесь, деретесь.

— Я не дерусь ни с кем, — оправдывалась Сусан.

— А я Сусан так люблю, так люблю, что не хочу даже отойти от нее. Зачем же мне с, ней ссориться? — добавил Сейран.

— Ну и хорошо, очень хорошо. Старайтесь только и с другими ребятами дружить.

— Мы их не трогаем, они сами затевают драки, — ответили дети в один голос.

— Они завидуют нам, — продолжал Сейран. — Как только увидят, что мы с Сусан играем, сейчас же, начинают над нами насмехаться, землей нам глаза засыпают. Ну, конечно, тогда и мы начинаем драться. Вот на днях Джангир хотел схватить Сусан за волосы, а я подскочил и такую дал ему затрещину, что он без оглядки удрал домой.

— А о чем же, Суси-джан, вы с Сейраном толковали под землей? — спросил Айрапет, оставляя свои четки.

— О чем? Не помню, забыла... Пусть скажет Сейран.

— Мы не говорили, а плакали, — объяснил Сейран.

— Довольно, Сейран, помолчи, а то голова заболит, — подошла Мариамбаджи и, прикрывая сына шалью, тихо заметила: — И зачем напоминать ребенку об этих ужасах, так он и заболеть может.

— Не твое дело. Пусть говорит сколько хочет, по крайней мере храбрецом будет, — оборвал жену Айрапет. — Ну, так рассказывай, сынок, как вас придавило.

Сейран только этого и ждал. Приподнявшись и поджав ноги, он начал:

— Сусан, Сусамбар, Тагуи, Зазар, Сапапи, Хатай, Нурджи и Урусик играли в куклы, а я смотрел. Вдруг — гrr-гrr — и земля и небо так задрожали. У меня в голове закружилось, и я едва устоял на ногах. Все разбежались, осталась только Сусан. Убежал бы и я, да Сусан ухватила за меня и не пускает. Тут что-то стукнуло, меня по голове, я едва успел крикнуть и упал. Упала и Сусан рядом со мной. Бедняжка так плакала, что я чуть с ума не сошел. Потом начала на нас сыпаться земля, только нас не задавило: мы лежали под дверью. Сусан от страха обняла меня, заплакала и стала кричать: «Ой, мама, мама!» Тут у меня голова заболела, и я стал задыхаться. А Сусан знай твердит, что это красная корова, которая живет под землей и теперь сердится на нас. Потом... потом я говорю Сусан: «Давай, когда мы отсюда вылезем, то больше шалить не будем, красную корову сердить не станем и, будем любить всех детей и соседей». А Сусан в ответ: «Я буду всех любить, клянусь моим единственным братом, только бы отсюда выбраться и маму увидеть». И оба мы заплакали. Уж так мне было жаль Сусан. Потом... потом... нет, не скажу.

И Сейран, опустив голову, исподлобья посмотрел на Сусан. Лицо его густо покраснело. Сусан зорко смотрела на него.

— Что же такое случилось потом? — спросил Айрапет, погладив голову сына.

— Потом я притянул к себе Сусан и поцеловал ее. А что было потом, уже ничего не помню.

— Кого поцеловал?

— Сусан.

— Ай, молодец! — воскликнул Айрапет, кладя руку на плечо сына и глядя ему в глаза.

— Врет, все врет, неправда, не целовал он меня, — вспыхнула Сусан; ее розовые щечки зарделись еще ярче.

— Нет, поцеловал, ты забыла.

— Ну ладно, ладно, Сусан, не сердись, что за беда, если брат поцеловал сестру,

— успокоил детей Бархудар и нежно взглянул на них.

Дети замолчали. Бархудар опять закурил трубку и снова задумался.

4

Ужин поспел. Мариам-баджи и Гюльназ, соперничая в усердии, спешили разостлать чистую синюю скатерть и расставить на ней все, что у них нашлось: картофель, мацун, вареную курицу, яйца, шашлык из барашка, маринады, зелень. Кроме того, Гюльназ поставила перед мужем большую бутылку крепкой виноградной водки.

Подав все это, женщины сели в стороне.

— Ужин начался. Стаканы наполнялись и осушались до дна так торопливо, как будто соседи пытались залить водкой самое воспоминание о страшном дне. Айрапета водка разобрала скорей, чем Бархудара: он до того повеселел, что даже забыл о своих горшках и кувшинах. Сбросив тяжелую папаху, он попробовал затянуть песенку про Кер-оглы⁸. Однако Бархудар остановил соседа: нехорошо, город в трауре, все во дворах, услышат и, чего доброго, осудят.

— Жаль, Бархудар, жаль. Чувствую я себя очень тоскливо, а песенка-то как раз и помогает. Э-хе-хе, и то сказать: все на этом свете суета сует! И отец Матал недаром говорит: «Из земли взят, в землю отыдешь». Эх! Ну, да ничего, тужить не стоит — на все божья воля, все испытания он посылает. Вот захотелось ему проучить нас, и, проучил. И здорово проучил, скажу я вам! А кувшинчики мои — трах-тарарах! Ах, кабы ты знал, как сердце мое болело, когда они посыпались... Все же как ни толкуй, а товар. Да ну их к черту! Сколько людей погибло, а я о кувшинах! Хоть бы все перебилось, не жаль: за один волосок Сейрана и Сусан отдам все кувшины.

Он залпом проглотил стакан водки, вытер платком свои короткие усы и перекинул его через плечо.

⁸ Кер-оглы — народный легендарный герой.

Но Бархудар, прилежно истреблявший закуску, только делал вид, что слушает приятеля: мысли его были далеко.

— И сколько ни думай, Бархудар, все равно из ста копеек больше рубля не выйдет, и земля не будет держать нас дольше, чем положено. Мариам, Гюльназ, идите-ка сюда, выпейте, отведите душу.

Бархудар продолжал закусывать, запивая маленькими глотками. Когда же Айрапет замолчал, он вдруг вытер усы, взял в одну руку бутылку, в другую стакан и заговорил:

— Послушай-ка, Айрапет, что мне пришло в голову... Давай сюда твой стакан.

— Пускай приходит тебе хоть тысяча мыслей, только бы добрых... Ну, что же, наливай: коли таков твой приказ, ничего не сделаешь, надо пить.

И Айрапет подставил стакан.

— Рассказывай, что надумал, если только мысли твои угодны богу.

— Надеюсь, что угодны. Прежде всего, Айрапет, выпьем за здоровье Сусан и Сейрана. Милосердный господь, пощадивший нашу старость и наших детей, да сохранит их и впредь.

— Да сохранит и да оберегает сильной рукой. Молодчина, Бархудар, умеешь ты так сладко сказать, что жизни не жалко за такое словцо — И Айрапет одним духом осушил стакан.

— Вот уже сколько лет, Айрапет, живем мы по соседству и ведь, сдается, ничем друг друга не обижали.

— Сушая правда. Ни одного дурного слова ни я тебе, ни ты мне не сказал.

— Не только мы с тобой, но и жены наши всегда жили в любви и согласии. Это приятно богу и людям. Мать не родила мне брата, Айрапет, но, клянусь тебе, ты мне его заменяешь. Ведь если посмотреть на нынешних братьев, готовых горло перерезать друг другу из-за денег, так поневоле скажешь: «Царство тебе небесное, мать моя, за то, что ты не оставила мне брата». Как знать, он мог тоже походить на других, как вон Гурдушанц Ефрем и Григор. Клянусь богом, Айрапет, как посмотрю я на нынешних, как подумаю, волосы дыбом встают, мороз пробирает до костей, — до того испакостился народ: ни

стыда, ни совести, ни чести. А уж о чести лучше не вспоминать, днем с огнем ее не сыщешь, вот что! Что же теперь остается богу, как не посылать на наши грешные головы страшные кары, вроде сегодняшней. А заодно с грешником страдает и праведный, невинные терпят за чужие грехи; знаешь, как бывает в печке: когда сухие дрова разгорелись, несдобровать и сырым. В людях ровно ничего святого не осталось: убивают воруют, врут, ничего не боятся. Сапожник, например, норовит сшить сапоги из гнилой кожи, портной так и смотрит, как бы урвать у заказчика каждый лоскут сукна... Да всего и не перечесать. Одним словом, я хочу тебе сказать, что люди до того мне опротивели, что я ни с кем и связываться не хочу, не желаю ни с кем иметь дела. Один только есть человек, которого я уважаю, это ты, Айрапет. Не подумай, что я лицемерю, нет. И сейчас я пью за твое здоровье; дай бог, чтобы наш братский союз длился до самой могилы.

— Аминь, аминь, — тихо промолвили обе женщины.

— Дети уже спали. Хмельной Айрапет долго таращил на Бархудару свои заблестевшие от выпитого вина глаза и вдруг, не выдержав, заплакал.

— Вот ты плачешь, — продолжал участливо Бархудар, — а если я тебе скажу, что я надумал, ты непременно начнешь улыбаться и радоваться будешь, потому что скажу я тебе кое-что хорошее.

— Говори, говори, Бархудар-джан, а то у меня язык отнялся.

— И думаю я теперь, Айрапет, что нам с тобой надо так закрепить нашу дружбу, чтобы никакая черная кошка не могла пробежать между нами и никакая вода не могла нас разделить. Да ты, кажется, спишь?

Айрапет и в самом деле дремал. От усталости, волнений и крепкой водки веки его смежились, голова повисла и бессильно качалась, как спелая груша на тонкой ветке.

— Нет, я не сплю, продолжай. У меня что-то в голове неладно, но я все слышу и понимаю.

— Тогда слушай.

Айрапет с трудом поднял голову, раскрыл глаза; лоб его наморщился, брови поднялись, глаза уставились на Бархудару. В этих глазах сверкало явное любопытство.

— Давно уже я заметил, — продолжал Бархудар, — что у моей Сусан и твоего Сейрана дружба, как у брата с сестрой. И как хорошо было бы, Айрапет, если бы мы с тобой благословили их любовь. Нынешний день знаменателен для всех нас, а особенно для наших детей, так давай сегодня же решим их судьбу. Я тебе хочу сказать, что я дарю мою Сусан твоему Сейрану. Она уж не маленькая, не нынче-завтра по обычаю нашему придется запереть ее дома, чтобы она в глаза не видала молодых людей, как подобает честной девушке из доброго семейства. Поверь, Айрапет, я говорю тебе все это от чистого сердца и от слова своего не отступлю, но только в том случае, если из Сейрана выйдет порядочный человек. А если он окажется шалопаем, я Сусан ему не отдам. Слышал? Ну, а теперь отвечай, хорошо ли я придумал.

Пока длилась речь Бархудару, Гюльназ и Мариам-баджи шушукались все оживленнее и громче. Но Айрапет не сразу мог ответить.

Несколько минут он точно ошеломленный смотрел на соседа и вдруг, схватив шапку, ударил ею о землю.

— Мариам-джан, Мариам, скорей сюда, скорей!

Удивленная Мариам-баджи подошла, прикрывая рот концом шали. Айрапет ухватил ее за подол, точно боялся, что она убежит.

— Мариам-баджи, ты не будешь дочерью твоего отца, не будешь человеком, если сейчас совершь. Перекрестись — вот так, а теперь говори, сколько раз я думал о том же самом, о чем сейчас говорил Бархудар? Ну, что ж ты молчишь, язык, что ли, отнялся? Не раз я повторял тебе, как было бы хорошо помолвить наших детей. Ведь правда?

Мариам кивнула Бархудару в знак того, что Айрапет сказал правду.

— Нет, нет, вслух скажи, не стесняйся, — настаивал муж.

— Правда, — пробормотала Мариам-баджи.

— Слышишь, Бархудар? Ура, ура, ура-а... Ну, так давай выпьем теперь за Сусан и Сейрана.

Мариам-баджи опять пошла к Гюльназ.

— Что вы там шепчетесь? Громче говорите. Как вы смотрите на это дело? — окликнул женщин Бархудар.

— Пошли им бог счастья, пускай растут и ожидают свадьбы. Коли будут счастливы, и для нас будет радость, — ответила громко Мариам-баджи.

— Надо чего-нибудь сладкого подать, — заметила Гюльназ.

— Не попробовать ли нашего варенья? — вмешался Бархудар.

— Сейчас, — заторопилась Гюльназ.

— Нет, постой, я сейчас принесу, — возразила Мариам-баджи, отталкивая Гюльназ.

— Нет, я хотела...

— Так у нас свежее, я только что сварила.

— У нас апельсиновое!

— А у нас розовое!

И женщины в горячке спора не давили друг другу двинуться.

— Ну, чего вы раскудахтались, — закричал Айрапет и швырнул в них шапкой.

— Живей идите!

— Несите обе, — сказал Бархудар, — посмотрим, чье лучше.

Тотчас на скатерти явились блюдечки с разнообразным вареньем.

От шума проснулись дети.

— И мне варенья, — попросила Сусан, протирая сонные глазки.

— Мне тоже, — протянул Сейран.

— А мне разве не дадите?.. — раздался голос Смбата.

Оделив всех вареньем, Бархудар сказал:

— Суси, сегодня мы тебя и Сейрана подарили красной корове.

— Нет, нет, не хочу, я боюсь ее.

— А вот я не боюсь, я на рога ей сяду, — расхрабрился мальчик.

— Да вы не бойтесь, — успокаивал Бархудар, — хоть мы вас и подарили корове, а жить вы будете с нами. Мы только для того хотим ей сделать этот подарок, чтобы она больше не сердилась и не зарывала вас в землю.

— Пью за моего Сейрана и за мою Сусан, — перебил Айрапет. — Да благословит их господь и даст им дожить до венца, до светлой радостной жизни... а теперь, Сейран, целуй свою невесту, как ты ее целовал сегодня под землей.

— Какую невесту?

— Сусан. Мы вас обручили. Теперь ты жених.

Дети сконфузились, покраснели, однако Айрапет заставил их обняться и поцеловаться.

— А теперь, детки, становитесь на колени и помолитесь вашими невинными устами, чтобы господь сохранил вас от всякого зла и бесчестья, — сказала Мариам-баджи.

Опустившись па колени, дети повторили вслед за Мариам-баджи «Отче наш» и другую молитву, просьбу к богу, чтобы землетрясение не повторялось.

Потом все улеглись.

5

Землетрясение, однажды исказив облик Шемахи, как будто поклялось не забывать ее и впредь.

Шли годы, а тревога не оставляла город. Он походил теперь на корабль без руля и якоря, брошенный в бушующем море на произвол судьбы. Можно было подумать, что у земли не хватает силы выносить его тяжесть. Точно дикая необъезженная лошадь, шарахающаяся при виде седла, Шемахинская почва вставала на дыбы, трясла спиной, не желая оставить камня на камне.

— Содом и Гоморра, — рассуждали старики, качая седыми головами.

В конце концов губернские учреждения пришлось перевести в Баку. Новое несчастье для города! Теперь он уже совсем замер: торговля стала падать, население беднеть. Многие покидали насиженные местечки и поселялись в других городах, чтобы на чужбине добыть кусок насущного хлеба.

Переселялись главным образом армяне: как раз в эти годы в Кубе и Дербенте широко развилось производство марены. Кое-кто уезжал в Баку, в глухие уголки Дагестана, в Петровск, Темир-Хан-Шуру.

Бархудар и Айрапет не последовали этому примеру. Первый рассуждал: «Я азиатский портной и шью больше для местных, а они, слава богу, никуда отсюда не уходят. Они куда умнее нас: дедовских очагов не разрушают, не пускаются, подобно нашим армянам, скитаться и бродяжничать. Если кому суждено заработать себе на хлеб, он и здесь заработает». А второй говорил: «Не все ли равно слепому, где жить, — здесь или в Багдаде. И куда я пойду со своими кувшинами? Потом, что ни говори, а Шемаха благодатный уголок. Хоть и грешно признаться, а все же землетрясение принесло мне не одни убытки, а и прибыль: у всех перебило кувшины и горшки, теперь все берут у меня новые, только успевай заготавливать».

Итак, соседи остались в Шемахе.

Их дружба продолжалась; теперь возникла между ними еще и новая связь чисто родственного свойства. Гюльназ и Мариам-баджи исполняли все, что требовалось по обычаю от добрых свойственниц.

Бывало, на масленице, еще до чаю, заря едва занялась, а уж Мариам-баджи, дрожа от холода, спешит к Гюльназ с двумя плотно закрытыми тарелками гутаби и биши⁹ чтобы светик Сусан смогла покушать их горячими. А на пасху, глядишь, Гюльназ торопится к дому Айрапета: в шали у ней завернут десяток крашенных яиц.

Поцелует она Сейрана в лоб и щеки: «Вот возьми, голубчик, поиграй с детьми, попытай счастья».

Через год после землетрясения Айрапет по совету соседа определил Сейрана в школу, где учителем был Саркис, обучавший и Смбата, сына Бархудара.

— Авось научится хоть черное от белого отличать, не то что мы с тобой, — куда мы годимся? — посмеивался Бархудар.

⁹ Гутаби и биши — печенье, приготовляемое на масленицу.

В первый же год Сейран своими способностями привлек особенное внимание учителя Саркиса. Года еще не прошло, а он уже одолел букварь и псалтырь. Но в следующем году, когда дело дошло до евангелия, мальчик начал лениться и неохотно посещал школу. Чего только не делал Саркис, чтобы вылечить ученика от лености! Испробовал даже испытанное средство — розги — ничего не помогало. С каждым днем Сейран ленился все больше. Он даже ухитрялся обманывать мать: скажет ей, бывало, что идет в школу, а сам спрячет книги во дворе и бежит на улицу поиграть с ребятами.

Сначала Айрапет читал ему наставления, сулил подарки; наконец, убедившись, что ничего не помогает, тоже принялся, по примеру учителя, за порку.

— Из-за розог учителя я школу бросаю, а ты меня еще и дома бьешь, — рыдал Сейран, утираясь рукавом архалука.

Раз, задав ему урок, учитель сказал:

— Смотри, Сейран, вот отсюда и досюда изволь выучить к завтрашнему дню, да так, чтобы отвечать без запинки, чтобы слова, как вода, лились. Понимаешь? Как вода! А не будешь знать, исколочу до полусмерти, шкуру с тебя спущу.

— Вот ей-богу, отвечу так, как вода льется, — клялся Сейран.

Ему только что досталось от учителя. И чтобы отплатить, он решил сыграть шутку. Вспомнив приказание выучить урок так, чтобы слова лились, как вода, он с утра отправился к роднику и вымочил всю книгу.

— Вот, — протянул он учителю книгу, со страниц которой капала вода.

— Что ты наделал? — взбесился учитель.

— Вода...

— Так ты, негодяй, еще издеваться надо мной вздумал?!

Взбучка, полученная Сейраном в этот день в школе, оказалась последней. Больше он к Саркису не пошел, как ни бился с ним отец.

Убедившись, что из учения ничего не вышло, отец взял Сейрана из школы и отправил к Бархудару учиться портняжному мастерству.

Все же три года, проведенные Сейраном в школе, не остались для него без пользы: он выучился кое-как читать и писать.

6

Бархудар не возражал, когда Гюльназ просила отдать Сусан в школу монахини Эрикназ.

— Ну что ж делать, пускай учится. Теперь без этого нельзя. Вот знай мы с тобой грамоте, не пришлось бы нам сегодня к священнику ходить, чтобы узнать, когда пост начнется.

Накинув на Сусан шаль и окутавшись чадрую, Гюльназ повела дочку к монахине.

— Вот возьми ее в учение, только уж не очень наказывай.

Целых три года Сусан пробыла в школе. Каждое утро ее отводил туда Смбат и с ним же она возвращалась домой. Когда Сусан научилась читать и «сочинять письма», Бархудар взял ее из школы.

Она росла не по дням, а по часам. К четырнадцати годам она уже превратилась в девушку, высокую и стройную. Черты ее стали резче и выразительней. Теперь, когда она оставила школу, родители уже не позволяли ей показываться посторонним мужчинам и держали взаперти. После беззаботных детских лет этот родительский запрет очень тяготил юную девушку; она постоянно тосковала. Ведь она с детства привыкла резвиться с подругами то на улице, то во дворе у соседей, и как же трудно ей было теперь, особенно в ясные солнечные дни, безвыходно сидеть в комнате подле матери, за вечным вязаньем. Правда, со временем она стала свыкаться с этой жизнью, но легче ей от этого не было.

После землетрясения прошло ровно девять лет. В один прекрасный летний день Сусан занималась своим обычным вязаньем в сенях; подле нее сидела подруга ее детства Сусамбар, дочь Егии, сапожника-соседа. Это была девушка лет восемнадцати, среднего роста, тощая, с бледным, исхудалым лицом. Красивой ее назвать нельзя было, но она могла нравиться: темно-синие выразительные глаза ее светились природным умом. Наклонив голову, она

молча вязала. Сусан тоже молчала.

День понемногу догорал. Солнце, скрываясь за горизонтом, озаряло золотом своих последних лучей дома и стены полуразрушенного города. Напротив, сений, в густой листве огромного тутового дерева, над обвалившейся оградой чирикали воробьи. Слушая эту говорливую птичью стайку, как было не подумать, что там идет оживленный спор? Однако, о чем шел спор и какую именно задачу решали воробьи, понять было невозможно. Очень может быть, что речь шла о солнце. Ведь они так чирикают и по утрам при восходе солнца. Девушки молча продолжали работать. Грустные морщинки набегали на лоб Сусан, она опустила голову, и плотно сжатые губы показывали, что она о чем-то напряженно думает. Сусамбар по временам поднимала голову, откидывала со лба пряди волос и смотрела па подругу.

Но та не замечала этих взглядов.

Наконец Сусамбар отложила свое вязанье.

— Слушай, Сусан, у меня, кажется, сердце разорвется от тоски, брось ты это чертово вязанье, давай поговорим.

Молчание.

— Да ты не слышишь, что ли?

— Что?

— А, чтоб тебе, — экая ты противная!

— Сама противная! Ну, чего ты ко мне пристала?

— Говорю тебе, брось ты эту гадость, и так пальцы отекли. Отдохнем да поговорим.

— А о чем говорить? — тяжело вздохнула Сусан.

— Сначала отложи спицы, тогда скажу, о чем, — ответила Сусамбар, вырывая чулок из рук Сусан.

— О господи, — опять вздохнула та.

— Ну чего ты вздыхаешь? И меня ты измучила своей печалью. Хоть что-нибудь веселенькое скажи, авось душу немного отведем.

— Да говорить-то не о чем: ни слов, ни мыслей...

— Это почему? Тебя обидел кто-нибудь?

— Сусамбар, ты помнишь день землетрясения?

— Еще бы.

— Ах... какие это были дни! Помнишь, как мы с Сейраном очутились под землей?

— Помню, как сегодня.

— Хорошие были дни!

И Сусан опять вздохнула.

— Есть, о чем вздыхать! Подумаешь, какое счастье очутиться под развалинами.

— Да я тоскую не об этом.

— А о чем?

— Мне вспоминаются те счастливые дни, когда можно было бегать босиком, не зная чадры и играть сколько душе угодно.

— С кем же? С Сейраном? — хитро улыбнулась Сусамбар.

Сусан покраснела.

— Что это с тобой? Видно, попала в больное место?

— Опять ты... Без глупостей не можешь...

— А что же, разве неправда? Почему же ты покраснела, когда услышала про Сейрана?

— И ничего не покраснела. Сочиняешь ты все, — оправдываясь, Сусан покраснела еще больше.

— Отчего же у тебя щеки горят, как маков цвет? Ну да хорошо, не буду больше говорить о Сейране, бог с тобой.

— Чтоб ему провалиться, этому Сейрану! Что он за птица такая, чтобы из-за него мне еще краснеть! — ответила с досадой Сусан и смутилась еще сильнее.

— Как? И ты решилась это сказать? Попадет же тебе за это от твоих родителей. Разве так говорят о своем суженом?

Сусамбар говорила все это умышленно, чтобы рассердить подругу. Но Сусан уже пришла в себя и опять задумалась.

«И в самом деле, как у меня язык повернулся так проклинать единственную опору родителей?» — и сердце ее болезненно сжалось.

— О чем же ты грустишь? Ведь тебя почти с колыбели с ним помолвили. Не сегодня-завтра обручение, а там справят пышную свадьбу с песнями и зурной... Тебе хорошо, ты не засидишься, как я, не будешь ждать...

Как видно, Сусамбар хотелось опять позлить Сусан.

— Перестань, Сусамбар, не говори об этом больше, заклинаю тебя твоим братом.

— Ну, коли заклинаешь братом, буду молчать. Уж не думаешь ли ты, что я тебе завидую? Боже упаси! Я жду не дождусь твоей свадьбы, хочется поплясать и похлопать в ладоши, когда тебя в церковь поведут. Нынче же буду просить родителей, пусть сошьют мне платье понарядней. Заранее надо им сказать, чтобы к свадьбе все было готово, а то на них" надежды мало. Пока сто, тысячу раз не скажешь, пока горло от крика не пересохнет, пока не доведешь себя до изнурения, они палец о палец не ударят, чтобы хоть платок головной купить. Вот целый год хожу в этой рваной шали, готова со стыда хоть сквозь землю провалиться, из дому выйти совестно, а родителям хоть бы что. А ведь я девушка на выданье. Сравни, как мы живем и как живет Зарншан Оганджаниян! Вот счастливица, полнешенек сундук у нес нарядов, а вчера сама говорила, что ей еще парчовое платье шьют. Оттого она и важничает: ни с кем не разговаривает и нос задирает, точно губернаторская дочка. Еще хорошо, что лицом не вышла — рожа рожей, а то ей на этом свете и места бы не найти. Нос вроде трубы, образина черная, будто в саже, зенки таращит, точно проглотить тебя хочет.

— И как тебе, Сусамбар, не надоест? Будет болтать...

— Да разве промолчишь, глядя на этих богачек, ведь просто сердце разрывается от досады. И знаешь, Сусан, что я скажу тебе? Если бы, прости меня господи, я хоть бы на один час стала богом, я бы все у богатых отняла; и знаешь, что бы сделала?

— Ну?

— Я бы взяла и побросала все их богатство в море. Вот тогда и посмотрела бы я, как стали бы они рядить в парчу и бархат своих дочерей и невесток. Да, так бы я и сделала! — продолжала горячиться Сусамбар. — А вот любопытно, что бы сделала ты, если бы — прости меня господи (она перекрестилась) — хоть на один день стала богом?

— Ничего.

— Нет, ты по правде скажи, чтобы ты стала делать?

— Ах, отстань. Ну, чего попусту болтать? Ведь это даже грех.

— А ты, милочка, все-таки скажи.

— Отвяжись.

— Отвяжись... Я у тебя не золота прошу... Скажи только слово, и я перестану.

— Я бы у богатых все взяла и отдала таким, как ты, чтобы перестали завидовать. Вот как бы я поступила.

— Уж я так и знала, что ты ничего умного не скажешь, — заметила Сусамбар со снисходительной улыбкой.

— А чем же плохи мои слова?

— Тем, что, если бы мне дали большое богатство, я бы на тебя тогда и смотреть не захотела.

— Начала бы важничать?

— Ну да, не хуже Зарншан Оганджанын.

— Нет, я бы совсем не стала важничать. Что такое деньги? Грязь на руках. Смоешь — и нет ее. Отец говорит, что честность дороже денег.

— Говорить-то говорит, а только забывает, что без денег и честности не сберечь.

— Почему это?

— А вот почему. Ты знаешь сапожника Барака, отца Джаваир?

— Слыхала про него. Отец его очень хвалит, говорит, что он честный и порядочный.

— А вот послушай-ка, что этот честный сделал.

— Что же?

— Украл.

— Ну?!

— Да, да... Да и как было не украсть? Ведь утопающий за соломинку хватается, с голоду и крапиву станешь есть. Он месяца два-три не платил за лавку. У бедняги даже гривенника нет, где же достать десять рублей? Ведь полон дом детей, еле-еле на хлеб хватает, а хозяин так и лезет с ножом к горлу: хоть из-под земли достань, а заплати. Варак к тому, к другому — никто не дает ему десяти рублей. Вот третьего дня является хозяин и говорит: «Если завтра к десяти часам не отдашь долг, я весь твой товар пущу с молотка, а тебя из лавки вон выгоню». У Варака от страха чуть штаны не свалились. Опять побежал туда-сюда, просит, молит: «Дети у меня умирают с голоду», — нет, опять ничего не вышло. Между тем хозяин от своих слов не отступает. Вот поутру засунул Варак за пазуху кусок заплесневелого хлеба и еле живой отправился в свою лавку. Идет и про себя богу молится: «Господи, помилуй, пошли мне десятку, чтобы долг заплатить». И только сел он за работу, входит вдруг к нему в лавку какой-то важный бек и заказывает пару шагреновых коши¹⁰. Снимает наш Варак мерку, а бек достает большой кисет, набитый серебром, платит задаток и уходит. Уйти-то он ушел, а кисет, уж не знаю, как это случилось, забыл. Увидал Варак кисет, и разбежались у него глаза, как у голодного волка. Сперва он хотел было догнать бека и деньги ему отдать, но тут пришло ему в голову: «А что если это сам господь бог внушил беку забыть кисет для спасения бедного сапожника?» Подумал он, подумал, глубоко вздохнул и начал считать, сколько в кисете денег. Вышло ровным счетом двенадцать рублей. Монетами по двадцать и по пятнадцать копеек каждая. Так и задрожал Варак и сунул кисет под тюфячок. Часу не прошло, прибегает бек, весь запыхался. «Мастер, не у тебя ли я забыл кисет с деньгами?» — «Не знаю, поищи». Ищут, ищут, а найти не могут. Бек все не отвечает, а Варак свое твердит: «Небом и землей клянусь, клянусь верой, ничего я не видал». Бек

¹⁰ Коши — род обуви.

совсем уж поверил его клятвам и уходить собрался, вдруг видит: из-под туфлячка выглядывает кисет. «Так-то ты божишься? А это что?» Несчастный Варак так и застыл на месте. У бека глаза кровью налились; схватил он свой кисет и стал бить им Варака по лицу и голове, пока бедняга весь в крови не повалился без чувств. Теперь лежит он дома и горько плачет. «Пятьдесят лет, — говорит, — жил честно, дорожил своим именем, и вот теперь осрамился на весь город». Выживет ли, еще неизвестно.

И Сусамбар наставительно посмотрела на Сусан.

— Вот видишь, до какого греха может довести бедность.

— Ах, несчастный! — с искренней грустью воскликнула Сусан.

— Так вот, пусть теперь не говорит твой отец, что деньги пустяк. Нет, голубушка, деньги штука важная. И Зарншан поступает правильно, когда нас с тобой в грош не ставит. Терпеть я ее не могу. Взгляну на нее, зависть во мне так и забушует. Или я буду такая же богатая, как она, или она пусть будет такой бедной, как я. И знаешь, она все ведь видит и понимает, ненависть мою чувствует, хотя я с ней болтаю и смеюсь. Ну, скажи по правде, Суси, ты на ее месте не стала бы важничать? Поверь мне, что стала бы. И вот что я тебе еще скажу. Обе мы с тобой бедные девушки, значит можем разговаривать откровенно, а вот с Зарншан я откровенной быть не могу. Почему? Потому что, когда мне с ней приходится говорить, я поневоле гляжу только на ее платье и уборы, только о них и думаю. И сердце у меня до того колотится, что я никак не могу быть спокойной и искренней. Ее я терпеть не могу, а тебя люблю, потому что ты такая же бедная, как и я. Вот и говорю: сделайся я, прости меня господи, богом, я бы отняла у всех богачей все их имущество и побросала бы в море, чтобы они стали такими же, как и мы. Вот было бы хорошо! Все станут бедными, и никому завидовать не придется. Если же зависти на свете не будет, все станут простыми и добрыми и будут любить друг друга, как мы с тобой. Так я своим умишком рассудила. А ты что скажешь, Суси?

— У тебя, Сусамбар, совсем не умишко. Ты все понимаешь не хуже монахини. У кого это ты научилась только? Ведь наша монахиня об этом нам ничего не говорила.

— А ну ее, твою монашку! Что она может знать? А я не училась ни у кого. Сама до всего дошла.

— Ну, если ты такая умница, не ответишь ли ты мне на один вопрос?

— Хоть и на два, если сумею.

— Скажи, почему это родители нас держат взаперти, как воришек?

— Опять ты свое... У кого что болит, тот о том и говорит.

— Да нет, Сусамбар, ничего у меня не болит. Ну, право, я просто так...

— Хорошо. По-моему, у наших родителей не хватает ума.

— Как так?

— Разумеется... Если бы хватало, они бы нас не держали взаперти. Неужели, если я захочу что-нибудь сделать, мне можно будет помешать! Да я на тысячу хитростей пойду, умру, а сделаю по-своему.

— Объясни мне, Сусамбар, попроще, я тебя не понимаю.

— Что же тут непонятного? Я только хочу сказать, что, если девушка захочет поиграть с пареньком, она так проведет своих родителей и так обделает свои делишки, что сам черт ничего не узнает.

— Положим, наши девушки на это не пойдут.

— Гм... Пойдут... Уж многие пошли.

— Кто же, например?

— Да вот хотя бы Зарафиль Ашхананц. Чего только эта чертовка не выделывает с соседом Баласи! Что ты глаза таращишь? Неужели не видала? Эх, милая, у нас в городе не такие дела творятся...

И Сусамбар многозначительно покачала головой.

— Как же им не стыдно?

— Вот еще, стыдно! И прекрасно делают. Так и надо нашим родителям, отцам и матерям! Никакого стыда в этом нет... Вот взять хотя бы тебя с Сейраном.

Как хочешь скрывай, а ведь я отлично знаю, что ты все время о нем думаешь, а он о тебе, и если теперь...

Замолчи, замолчи! — закричала покрасневшая Сусан.

— Да уж не кривляйся! Или правда глаза колет?

— Довольно, сказала!

— Не бойся, никто не узнает. Из меня твою тайну не выжмешь, как из каштана масла.

— Если ты любишь меня, умоляю об этом больше не говорить.

— Ладно... Устала я, да и час уже поздний. Пора домой, на насест. А ты бы поменьше думала, гляди, как похудела...

7

Прошла еще неделя. Поздним вечером Бархудар торопился дошить чуху для заказчика, собиравшегося дня через два оставить город.

Тут же сидел один из подмастерьев, помогая хозяину. В углу дремали Гюльназ и Смбат. Сусан с крылечка смотрела вдаль.

Что за чудесный вечер! Молодая луна нежно сияла на синем летнем небе; под ее лучами серебрились мокрые от дождя листья тутовых деревьев. Скромные жители полуразрушенного города уже затворились в своих домах, и только собаки, задирая головы, выли на луну, нарушая уличную тишину. Чего хотели от нее эти несчастные твари — известно было только им одним.

Опираясь локтями о перила и положив щеки на ладони, Сусан задумчиво любовалась луной. Ее черные мягкие волосы роскошной волной струились по спине.

Влажная теплота пропитывала воздух; Сусан в своей тонкой накидке из красной тафты не чувствовала холода.

Длинная вереница неотвязных мыслей проносится в ее голове, но ни одна не задерживается надолго. Вот детские годы, еще до землетрясения, когда такими же лунными ночами она сживала с матерью здесь, на балконе, и слушала ее рассказы о луне и о небе. Этим рассказам она и сейчас еще верит. Мать говорила, что небо когда-то было совсем близко — рукой подать, даже

дотронуться до него можно было. Но как-то одна женщина подтерла ребенку «то место» лавашем¹¹ и выкинула этот лаваш. Тогда бог, увидев такое надругательство над его первым даром, хлеб насущным, разгневался и отвел небо от земли. Что касается луны, то у Сусан нет никакого сомнения, что она была когда-то дочерью Марии. Очень красива была тогда луна, до того красива, что люди не могли взглянуть ей в лицо, и кто посмотрит — тотчас ослепнет, не вынесет такого сияния и такой красоты. Однажды, когда богородица Мария месила тесто для лавашей, вокруг толпились голодные дети, и между ними ее дочь, Луна. Луна была большая непоседа и все приставала к матери: «Мама, скорей пеки, скорей, мне кушать хочется!» В конце концов Мария разгневалась и рукою, что вся была в тесте, дала пощечину прекрасной дочери. И комки теста с тех пор остались на лице Луны. «А ведь и вправду, вон сколько на ней пятен», — раздумывает Сусан.

Но теперь ей уже не до луны. Вереница новых неожиданных воспоминаний мелькает перед ней. Между ними одно не покидает сердце Сусан и заставляет его усиленно биться. Перед ее взором постоянно мелькает знакомый образ. Вот мальчик, без шапки, босиком, вскарабкался на вершину тутового дерева, как кошка цепляется он за тонкие ветки и проворными руками обрывает ягоды. На нем белый ситцевый архалук, полы развеваются от легкого вечернего ветерка.

— Сейран, Сейран, смотри не упади, крепче держись! — кричит Сусан, глядя на него.

Сейран не слышит. Он занят только сладкими ягодами; их он рвет и набивает ими свои карманы.

— Брось и мне, Сейран, хоть ягодку! Что ж ты все один ешь?

И опять Сейран точно оглох. Можно подумать, что он забыл свою Сусан. И у бедной девочки, стоящей под деревом, сердце сжимается. Она нетерпеливо топает ножками, подергивает в недоумении плечиком и, кажется, сейчас заплачет.

¹¹ Лаваш — тонкий хлеб в виде лепешки.

Но вот, набив оба кармана, Сейран быстро спускается с дерева, подходит к Сусан и дает ей ягоды...

Вся во власти этих воспоминаний, Сусан вдруг почувствовала, что кто-то тронул ее плечо.

Точно проснувшись, она сняла руки с перил, поднялась и оглянулась. Перед нею стоял юноша среднего роста, черноглазый и смуглый. Он без шапки; на легком синем архалуке верхние пуговицы расстегнуты.

Сусан не сразу узнала его, и только хотела закричать, как юноша шепнул ей нежно:

— Что ты, не бойся, это я.

— Сейран, ты? Что тебе нужно? Почему ты так поздно пришел?

— Не разговаривай громко. Пойдем, я все тебе скажу.

И он отошел с нею в угол балкона, так, чтобы их не могли увидеть из комнат.

Сусан покорно пошла за юношей. Казалось, какая-то непонятная сила заставляла ее повиноваться Сейрану.

— Говори, чего тебе надо, и уходи.

— погоди, дай перевести дух, сейчас все узнаешь.

— Мама увидит, и мне достанется. Говори же.

— Я пришел повидаться с тобой.

— Ох, Сейран, боюсь я, что ты выбрал неподходящее время.

— А в другое время мне нельзя. И так сердце у меня не на месте. Мы так давно не виделись с тобой. Сколько раз я пробовал тайком к тебе пробраться, и все не выходило. Ну, как ты поживаешь теперь?

— Заперли Сусан... Так спрятали, что тебе уже не увидеть ее до...

— До свадьбы, что ли? А когда же будет свадьба?

— Этого я не знаю, но мне кажется, Сейран, что родители мои как-то переменились. Должно быть, отец и мать знают о наших встречах.

— Не может быть.

— Нет, Сейран, третьего дня я шла из кухни в комнату. Слышу, говорят обо мне. Отец очень сердился, но, заметив меня, притих. Я только услышала, как он сказал матери: «Гляди в оба, не то, не дай бог, осрамимся на весь город».

— Это он, верно, не про тебя.

— Ах, нет, недавно дочь сапожника Егии мне намекала...

— Сусамбар?

— Да. Этой чертовке все известно.

— Неправда. Не верю.

— Нет, Сейран, ты уже больше не ходи ко мне.

— Как это можно, я с ума сойду. Разве тебе меня не жалко?

Сусан вздохнула.

— Когда-то меня мучили в школе, — продолжал Сейран. — Слова учителя не лезли мне в голову. И я каждый день удирал, чтобы увидаться с тобой. Теперь лавка твоего отца для меня место пытки. Вспомню о тебе, и в глазах потемнеет; тычу иголкой — и попадаю себе в пальцы. Ты ведь знаешь своего отца? Коли что не так, он всю душу выбьет.

— Неужели и тебя он колотит?

— Да, как раз мне и твоему брату достается пуще всех. «Я, говорит, бью вас, чтобы все другие видели, как я вас люблю и забочусь о вас». А у меня, Сусан, вся спина как есть в синяках. Живого местечка не осталось. Просто невтерпеж. Думаю, сбежать от твоего отца, да только боюсь, что тогда мне и с тобой придется проститься. Так, когда же свадьба?

— Пожалуй, не раньше масленицы.

— Как? Еще восемь месяцев ждать?

— Что поделаешь. Сейчас у отца и денег нет на свадьбу.

И Сусан опять вздохнула.

— Что ты, Сусан, такая грустная?

— Душа болит...

Они помолчали.

— А помнишь, Сусан, наше детство?

— Ну как не помнить, помню. Послушай, как у меня колотится сердце, точно пойманный воробушек. Отчего бы это?

И Сусан положила руку Сейрана на свою грудь. Другой рукой Сейран стал нежно гладить ее кудрявую головку. Если бы Сусан приложила ладонь к сердцу Сейрана, она почувствовала бы, что и у него оно бьется так же.

Еще несколько секунд тяжелого молчания.

Долго Сейран смотрел в глаза Сусан. Наконец, она склонила голову. Руки ее лежали на плечах юноши, и какая-то волшебная дрожь пробежала по всем ее жилам... О, какая сладостная, приятная дрожь! И в то же время точно какая-то ворожба оковала их языки. Но слова не могли бы выразить того, о чем твердили неумолчно бившиеся сердца.

Это тянулось, может быть, всего минуту, но эта минута определила навеки судьбу влюбленных.

Сусан как будто очнулась и отшатнулась от Сейрана.

— Ой, что я делаю? Что со мною?

— Да что такое, Сусан? — смутился Сейран.

— Уходи, довольно!..

Сусан хотела убежать, но Сейран удержал ее.

— Пусти, если любишь... Сейчас может выйти мама, — упрашивала девушка.

— Постой, скажу тебе кой-что на ухо, тогда и уйдешь.

Сусан остановилась. Прижав ее головку к груди, Сейран жарко поцеловал девушку.

— Завтра в эту же пору жди меня здесь.

— Что он наделал! — прошептала девушка, отирая щеку рукавом. Но Сейрана уже не было.

— Кто здесь? — раздался зычный грубый голос.

Ответа не было.

— Сусан, это ты? Что ты здесь делаешь?

Молчание.

— Кто это сейчас побежал? Эй, кто это? — все громче и настойчивей кричал Бархудар.

Но никто не отвечал ему.

От стыда и страха Сусан не могла вымолвить ни слова.

Она стояла у стены неподвижная, смертельно бледная.

8

На другой день Мариам-баджи еще с утра погрузилась в хлопоты. Кроме нее, дома никого не было. Она поджидала Гюльназ: Мариам-баджи сообщила вчера Гюльназ, что собирается печь хлеб, и просила помочь ей.

Хотя Гюльназ обещала прийти еще на заре и время было уже не раннее, она не появлялась.

Мариам-баджи успела просеять муку и приготовить соленую воду, но соседки все не было.

«Пойти посмотреть, не случилось ли с ней чего, — решила было Мариам-баджи, но тотчас раздумала. — Ведь у них до четырех часов ночи горел свет; должно быть, муж все время работал, легла она поздно, пусть выспится, бедняжка».

Мариам-баджи поставила корыто, подстелила овчину и опустилась на колени, перекрестилась и приготовилась месить. Но не успела она засучить рукава и обозначить пальцем крестик на муке, как появилась Гюльназ.

— Наконец-то. Что с тобой? Где ты пропадала? Я тут совсем измучилась, дожидаясь.

— Прости меня, Мариам, никак не могла управиться пораньше.

— А что такое? На тебе лица нет.

— Так, ничего, вздор. Где же соленая вода? — и, откидывая шаль с головы, Гюльназ приблизилась к корыту.

— Дай хоть посмотрю на тебя. Не будешь же ты охать и вздыхать по пустякам. Я догадываюсь, в чем дело.

Гюльназ отвернулась. По ее печальному лицу, красным векам и влажным ресницам видно было, что она много плакала.

— Счастлива та женщина, у которой нет детей, — вздохнула она наконец.

— Типун тебе на язык, не говори ты больше таких слов. Скажи, что с тобой?

— Сусан не здорова.

— Да что ты? — переспросила Мариам-баджи, словно, не веря своим ушам.

— Жар, лежит, всю ночь бредила.

— Наверно, продуло, простудилась. Надо кровь пустить да пиявки поставить.

— Если бы только простудилась... Боже, боже, за что ты наказываешь меня!

— Ничего не понимаю. Ой, сердце разрывается. Да скажи ты, наконец, толком, что случилось? — вышла из терпения Мариам-баджи.

— Покарал меня бог, вот что! Вчера я вот этими моими погаными руками весь день стирала и до того измоталась, что к вечеру меня уже ноги не держали. Хожу, а сама носом клюю, спать хочется. Кой-как состряпала ужин для мужа и детей. Вчера, ты знаешь, была среда — день постный, — так я сварила плов с маком. Закусила немного и, не раздеваясь, прилегла. Тут же и Смбат прикорнул; он тоже вчера измучился: вязанок десять хворосту приташил. Муж с подручными кончали заказ, а Сусан что-то вязала. Не успела я задремать — слышу крик. Такой крик, точно душат кого...

— Ну, ну!

— Просыпаюсь я, вскочила, как ужаленная, и что же вижу... — Гюльназ смахнула рукавом слезы.

— Да не тяни, не терзай ты мне сердце!

— Схватил он, безбожник этакий, мою Сусан и тащит ко мне. Ногами топает, орет... «На, говорит, возьми свою бесстыжую дочь!» И толкнул ее прямо на меня. Сам от гнева белый, вот как эта мука, глаза красные... А Сусан — краше в гроб кладут. Потом...

— Что же потом?

— Врагу не пожелаешь, что было потом. Схватил этот нехристь Сусан одной рукой за косы, «а другой стал бить по лицу...

— Ой, ненаглядная моя деточка... Ох, не рассказывай больше, слушать не могу. Лучше мне ослепнуть, — колотила себя руками по коленям Мариам-баджи.

— Вижу — ни жива, ни мертва моя доченька. Хочу ее вырвать из звериных когтей, да разве с ним сладишь?

Он меня так хватил прямо в грудь, что в глазах потемнело, дыхание сперлось, и я упала.

— Душенька, деточка моя...

— Ох, Мариам-баджи, лучше бы мне умереть в ту же минуту на месте, чем видеть все это. Он так ее избил, что у нее лицо посинело, вот как твое платье. «Изверг ты этакий, что ты наделал?» — кричу я, волосы рву, грудь себе терзаю... вон посмотри, — и Гюльназ показала соседке кровавые пятна на груди. — А он знай себе орет: «Она честь мою, мое имя смешала с грязью, опозорила меня... В полночь бегала целоваться с сыном Айрапета, вот что она сделала!»

Услышав имя сына, Мариам-баджи вздрогнула.

Гюльназ продолжала: «Неправда, Бархудар, это тебе померещилось», — а сама все норовлю как-нибудь вырвать мою бедную малютку из его звериных лап.

«Убирайся ты,

подлая тварь! — кричит он на меня. — Сколько раз я тебе говорил, а ты все не верила». Ухватил он Суси за волосы, а мне так поддал в грудь, что я уж ничего не помню больше. Бог один знает, долго ли я так пролежала. Открываю глаза и вижу, что Смбат водой меня прыскает... У Сусан волосы растрепаны... лицо посинело, слезы ручьями бегут. А сам он с трубкой в зубах носится по комнате, точно бешеный бык.

— Ах, Сейран, да напишется имя твое на могильной плите! — кричала Мариам-баджи, колотя себя в грудь.

— Чтоб язык у тебя отсох за такие слова! — прослезилась Гюльназ.

— Так что же мне делать, коли этот бесстыдник так нас срамит? Неужели ждать, пока весь город начнет перемывать нам косточки? Ох, и горе же мне с

ним! Ох, попадет же ему сегодня, когда вернется домой! Уж отец ему покажет... То-то вчера вечером слонялся сам не свой...

— Ой, Мариам, заклинаю тебя богом, не говори Сейрану ничего. Малый он вспыльчивый, еще выкинет что-нибудь... Уж и того довольно, что Бархудар побожился обо всем твоему мужу рассказать. Лучше всего замять как-нибудь этот случай, пока мы не стали посмешищем Шемахи.

Мариам-баджи спустила рукава, поправила волосы и стряхнула с подола муку.

— Вставай, пойдем к Сусан.

— Нечего ходить, она все равно в бреду... Да и с хлебом, пожалуй, не управимся.

— Ах, да не до хлеба теперь... Ну, подымайся, говорю тебе.

Когда Гюльназ и Мариам-баджи вошли в дом портного, Сусан из-под одеяла взглянула на них, и, быстро закрывшись, отвернулась лицом к стене. Лоб у нее был завязан до самых бровей, щеки в синяках, глаза распухли от слез.

Мариам-баджи присела у изголовья Сусан, положила ладонь ей на лоб и тревожно объявила:

— Сильный жар. Посылай скорей за цирюльником, нужно пустить кровь.

И отвернув с лица девушки одеяло, стала расспрашивать:

— Да перейдет ко мне твоя хворь, касатка; расскажи ты мне, что у тебя болит?

Почему ты глазки закрываешь? Не болит ли головка?

Сусан промолчала. Закрывшись одеялом, она горько зарыдала.

— Не плачь, дитяtko, не плачь, бог даст все обойдется, поправишься. Что делать, везде случается, что отец иной раз поколотит дочку: Били и нас, и мы тоже плакали.

Но Сусан плакала совсем не от боли. «Если бы только побили, — но ведь срам-то, срам-то какой!»

Мариам-баджи и Гюльназ обсудили дело и решили позвать цирюльника.

Наутро, встретив па базаре Айрапета, Бархудар рассказал ему про вчерашнее.

— Если ты сынка не взнуздаешь, мы разойдемся и дружбе нашей конец.

Айрапет так и застыл на месте. Склонив голову на правое плечо, он разинул рот, поднял брови и, вытаращив глаза, вперил их в соседа. Видя, что Айрапет остановился, сосед в свою очередь уставился на него.

— Ну, что, пробрало тебя холодом, замерз, небось! Повторяю, тебе: держи ухо востро. Коли ты своего щенка не обуздаешь — конец всему!

Айрапет опять промолчал. Еще несколько мгновений глядел он в глаза Бархудару и вдруг понесся во всю прыть.

«Ага, полетел выдрать своего наглеца. Эх, попадись этот негодяй мне в руки, раздавил бы я его, мокрого места от него бы не осталось!» — подумал Бархудар и пошел своей дорогой.

Айрапет, спеша к себе, ругался, махал руками, качал головой. Прохожие, глядя на него, с удивлением говорили:

— Должно быть, с ума спятил.

Когда Айрапет наконец добрался до дому, Сейрана дома не оказалось. Айрапет хотел было отправиться к Бархудару, но раздумал.

Через четверть часа вернулась Мариам-баджи.

— У такой, как ты, я бы должен был вырвать сердце и зажарить на вертеле, чтобы быть спокойным! — напустился на жену Айрапет.

Мариам-баджи мгновенно поняла, в чем дело.

— Чем же я-то виновата, что ты меня так ругаешь?

— Так что же, по-твоему, я этого щенка родил, а?

— Прикажешь мне голову пеплом посыпать? Чем я виновата?

— Да, черным пеплом! Во всем виновата ты и никто больше. Не ты ли вечно нянчишься с ним? Как только я за палку, ты, не помня себя, заступаешься за эту собаку.

Вот теперь и дождались: позор на весь город, будь ты проклята... Господи, прости меня грешного! Ну, скажи, зачем ты родила его?

Бросившись к жене, Айрапет ухватил ее за плечи и начал трясти, повторяя «зачем ты родила его».

— Вот несчастье! Человек божий, подумай хорошенько, какой вздор ты городишь. Где у тебя голова?

— Моя голова под папай! А ты мне изволь ответить, зачем ты его родила? Чтобы меня перед Бархударом опозорить?

Мариам-баджи, видя, что гнев мужа переходит границы, повернулась и вышла. Айрапет продолжал метаться по комнате, пока Сейран не возвратился. Уже наступал вечер.

Не говоря ни слова, Айрапет схватил дубинку, но не успел замахнуться, как сметливый юноша выскочил из комнаты. Вернулся Сейран только на другой день вечером. Тут же Айрапет поймал сына и исколотил до потери сознания. После свидания с Сусан Сейран покинул мастерскую Бархудара. Он не столько боялся, сколько стыдился показаться грозному мастеру. Уходя утром из дому, юноша возвращался только поздним вечером. Айрапет изо дня в день продолжал усердно колотить сына. А бедная Мариам-баджи старалась учить его уму-разуму ласковыми материнскими советами.

— Сыночек родимый, ты бы хоть нас пожалел: не срами ты родителей, возьмиись за дело.

— Не хочу: убьет меня Бархудар.

— Да он уже забыл, он простит тебя, не бойся.

— Да, не бойся... как бы не так. Смбат говорит: как только он услышит мое имя, сразу же начинает кусать усы. Не хочу. Скорее с голоду умру. Страшно не то, что он меня будет бить.

— А что же?

— Мне стыдно.

— Еще бы не стыдно! Ты понимаешь, что наделал?

Всего тяжелей для Сейран была невозможность увидаться с Сусан и узнать, что с нею. «Да нет, дело тут, конечно, не в поцелуе; говорят, Бархудар давно уже знал о наших встречах. Только бы мне Сусан увидеть, а там будь что будет!»

О свидании с Сусан юноша раздумывал и днем, и ночью. В сумерках он крался к дому Бархудары и забирался в укромный уголок, надеясь, что Сусан выйдет во двор и они встретятся. Но тщетно. Сусан не появлялась: как будто ее и не было на свете.

«Уж не больна ли она, не слегла ли?»

И на другой же день в разговоре с Смбатом выяснилось, что Сусан действительно хворала, но давно уже поправилась.

Так пролетел целый месяц.

Полдень. Солнце так и жжет. Улица, где живут Бархудар и Айрапет, совсем безлюдна. Иногда откроется где-нибудь дверь, по двору торопливо просеменит старуха или девушка пробежит, окутанная шалью, с тарелкой в руках: по обычаю, соседи обмениваются кушаньями.

Нестерпимый зной даже собак заставил убраться в тень; они отдыхают, высунув язык и тяжело дыша. Мухи стаями облепляют их.

Эту мертвенную тишину прерывает по временам зычный оклик известного всему городу скупщика старых бухарских папах Кара¹²-Башира. Это низенький человечек с растрепанной бородой; из-под толстых красных губ сверкают белые зубы.

— Старые папахи, папахи беру! — выкрикивает он и, остановившись перед домом, хмурясь, заглядывает во двор.

Ребятишки, играющие тут же, слышав его голос, пускаются кто куда.

— Ой, Кара-Башир утащит!

За Кара-Баширом следует Таги, тоже известный всему городу скупщик отрубей.

— Отруби, отруби покупаю!

Голос его раздается точно из колодца и усиливает гнетущее впечатление от мрачных развалин этой части города, получившей название «Хараба Шахар»¹³.

¹² Кара — черный, черномазый.

¹³ «Хараба Шахар» — разрушенный город.

Мариам-баджи сидела в тени во дворе за шитьем. Близ кухни хлопотали куры, проворно подбирая рассыпанный рис.

— Кш, кш, чтоб вам подохнуть! — то и дело покрикивала на них Мариам-баджи, хлопая по земле тонким прутиком.

Мариам-баджи сердилась на кур, которые своей возней поминутно отвлекали ее от дум.

Наконец Мариам-баджи бросила шитье воткнула в него иголку, сняла наперсток, и все это спрятала под тюфячок, на котором сидела. Затем она достала убогий узелок, развязала его и высыпала горсть сухих почерневших горошин. Взяв из табакерки двумя пальцами щепотку табаку, понюхала, чихнула, закашлялась и перекрестилась.

— Господи, искорени зло и возроди добро!

И, перекрестившись еще три раза, она торжественно приступила к гаданию, бормоча:

— Боже, пошли счастья моему Сейрану! Коли горошина покажет открытую дорогу, будет мальчик счастлив, не покажет — беда ему.

Мариам-баджи семь раз потеряла горошину на правой ладони и разделила на три равные доли. Потом стала перекидывать горошины туда и сюда, тут прибавляла, а там убавляла; снова смешала и опять разделила: теперь уже на девять кучек. И, не касаясь их, с мрачным видом заговорила:

— Вот это — открытая дорога, а это — Сейран. Вишь, как он задумался. А тут кто-то стоит перед ним. Кто бы это? Уж не Сусан ли? А это товарищи Сейрана. Что они, как черти, окружили мое бедное дитя? Чтоб вам всем ослепнуть, что вам надо от него? А это что такое? Господи, точно черная нитка протянута перед ним. Ах, да пропади ты пропадом, откуда ты взялся?

Подпирая рукой подбородок, Мариам-баджи прижала палец к губам и задумалась.

— Нет, нет, видно горошинок не хватает, — молвила она, отнимая руку от подбородка. — Одна четверка, две, три, четыре четверки, а вот и пятая: одна горошина — нечет! Все как есть. Разложить еще разок.

И она начала сначала.

— Фу! Опять этот окаянный на корточках перед моим дитем! — И Мариам-баджи разложила горошины в третий раз.

Затем она проделала то же в четвертый, пятый, шестой... пятнадцатый раз.

Наконец, усталая, злая, она собрала горошины.

— Сгинь ты, чертов горох! Ничего толком не скажешь, проваливай! — и Мариам-баджи опять принялась за шитье.

Вдруг раздался крик: юноша с шапкой в руке опрометью бросился во двор, прямо к кухне.

— Нечестивцы, на одного напали! Так погодите, я вас проучу, узнаете меня!

— кричал он.

Мариам-баджи оцепенела от ужаса. Из рук ее вывалилось шитье.

— Сейран! Сейран, что такое? — завопила она и вскочила.

Сейран ничего не слышал. Он побежал на кухню, схватил длинную дубинку, скинул с тебя чуху, намотал на левую руку и выбежал опять на улицу.

Мариам-баджи пустилась за ним.

На улице Сейрана ждали двое здоровых парней, тоже вооруженных палками и с чухами, намотанными на левую руку.

Сейран как полоумный, бросился на них. Завязалась свалка. Сейран, защищаясь, ловко наносил удары противникам.

Босая, с растрепанными косами, Мариам-баджи пыталась их разнять.

— Ах, чтобы вам лечь и не встать! Чтобы матери ваши в черном ходили!

Чтобы глазам вашим полопаться! Что вы делаете!

Один из парней хватил ее палкой по плечу.

— Прочь отсюда!

— Ой, чтобы печени твоей сгореть! Добрые христиане, помогите: дите мое убивают! — завопила Мариам-баджи и, обессиленная, упала навзничь.

Тут к драчунам подбежал коренастый парень, тоже с палкой, и ударил ею одного из противников Сейрана.

— Так его, так, умереть бы мне за тебя, Смбат! Ну-ка еще разок его, еще! — кричала Мариам-баджи.

Бросив палку, один из нападавших пустился бежать; другой за ним. Сейран и Смбат не смогли догнать их.

Гордясь победой, Сейран и Смбат вернулись к Мариам-баджи. Та все вопила и рвала на себе волосы.

— Полно, перестань, ты же видела, как мы их проучили, — сказал Сейран, разматывая чуху. — Ведь они хотели меня убить, не ждать же мне было.

— Зачем же ты, беспутный, связываешься с такими подлецами?

— Ну, довольно тебе ворчать; дай-ка лучше водицы, смыть кровь с головы.

Мариам-баджи не заметила, что Сейран ранен в голову. Увидя, как кровь струится с его лба, она едва не лишилась чувств.

— Ой, не будет нынче зари для твоей матери, Сейран! Да, не зря горох предсказывал беду! — воскликнула она, спеша на кухню за водой.

10

Наступил вечер. Встревоженная Мариам-баджи готовила ужин. Айрапет еще не возвращался.

Сейран с головой, повязанной красным платком, без чухи, в белом ситцевом архалуке сидел у ворот. Его окружали Смбат и несколько парней; речь шла об утреннем побоище. Хмурый Сейран, понурясь, неохотно отвечал.

— Да расскажи же толком, из-за чего вышла драка? допрашивал юноша лет двадцати.

На нем был короткий архалук, перетянутый широким серебряным поясом, черная черкеска, длинные шаровары и остроносые чувяки; коричневая круглая бухарская папаха дополняла его костюм. Юноша все время покручивал тонкие острые усики, похожие па крысиные хвосты.

— Я был там, при мне все началось, — поспешил ответить низенький юноша, одетый, как и все, но с гладко выбритым по-персидски затылком.

— Расскажи хоть ты, дружок, что там было? — спросил его третий парень, с папахой набекрень.

Маленький юноша откашлялся и важно заговорил:

— Ну, слушайте: там были — я, Сейран, Смбат, Джангир, Атанес, Енгибар, Тати, Папан, Мартирос и Петри. Начали мы играть в орехи. Бросал Смбат. Вот Енгибар поставил рубль и говорит Смбату с гордым видом: «Бросай». Смбату дьявольски повезло: угодил он в самую точку. Енгибар разинул рот да так и остался. Шутка сказать — целый рубль серебряный, деньги не малые. Гм...

Енгибар и так и эдак — одним словом, отобрал монету.

— Что за негодяй! — возмутился юноша с крысиными усиками. — Ну, а дальше?

— Да что дальше? Смбат ему говорит: «Ты что же это!» — а тот ему: «Я пошутил, я еще не спятил с ума, чтобы такие деньги ставить». А Смбат ему: «Отдавай рубль, не то мозги из головы твоей выпущу, как из яйца».

Енгибар в ответ: «Помалкивай, такой сякой». Ведь вы Енгибара знаете: откроет рот — только уши затыкай.

А Смбат разошелся и стал его ругать. Взбесился и Енгибар и такое ему ляпнул, что у Смбата глаза кровью налились. «Ты, говорит, ступай да уйми сначала свою беспутную сестру, чтобы она по ночам с Сейраном не таскалась...»

— Эх, и чего вы его тут же не прикончили? — вмешался парень с папахой набекрень.

— А ты послушай, что дальше было. Сказать Смбату такое про сестру! У него в глазах потемнело. Не успел выхватить нож, как Сейран хватил Енгибара ногой в живот. Тот так и покатился, но все же вскочил, подхватил папаху — и бежать. Петри за ним. Через минуту видим: оба несутся с дубинками. Смбат и Сейран, завидя это, тоже побежали домой за дубинками. Вернулись назад и так отдубасили своих врагов, что те насилу ноги унесли. Однако паршивец Петри крепко хватил по плечу мать Сейрана...

— Ну, ну! — крикнул юноша с усиками. — И как они осмелились напасть на наших! Ребята, нашу честь опозорили, и мы им завтра зададим такую баню, чтобы на весь город молва пошла!

— Не надо, я и без этого жалею, — отозвался Сейран, не поднимая головы.

— И я жалею, — добавил Смбат.

— Вы сидите себе и молчите, а мы без вас все устроим, — ответил юноша.

— Коли так, пойду смажу салом мою кривую дубину! — молвил парень с папашой набекрень.

Тут издали показался Айрапет. Сейран и Смбат поспешили скрыться. Разошлись и остальные.

11

Совсем стемнело, Мариам-баджи зажгла сальную свечу. Айрапет сидел на тюфячке у стены, прислонясь к подушке; одна нога поджата, другая вытянута. В одной руке он держал длинную трубку, другой перебирал четки.

Он был озабочен. Мариам-баджи поставила подсвечник, тусклый свет упал на лицо хозяина. Когда-то ясное и радостное, оно теперь было сумрачно и печально. Два раза сказав мужу «добрый вечер» и не получив ответа, хозяйка приютилась в углу. Сейран был во дворе. Боялся ли он, или стеснялся, но в комнату не входил. Супруги упорно молчали. Мариам-баджи не сводила глаз с мужа.

— Добрый вечер! — В дверях стоял Бархудар.

— Добро пожаловать. Милости просим сюда. Мариам, принеси тюфячок.

— Не беспокойтесь, я у стенки посижу.

— Нет уж, прошу на мое место, — предупредительно хлопотал хозяин.

Мариам-баджи принесла мягкий тюфячок; соседи уселись.

— Ну, что нового, Бархудар?

Вместо ответа гость подмигнул хозяину. Тот его понял.

— Мариам, оставь-ка нас.

Мариам-баджи вышла.

— Не люблю я при женщинах вести серьезный мужской разговор, — сказал Бархудар, растирая в ладонях табачный лист.

Тон его был холодный и раздражительный; лицо выражало печаль и гнев.

— Я тоже этого не люблю. Женщина — болтливое существо. Что услышит — по всему свету на хвосте разнесет, — важничал Айрапет по примеру соседа.

— Пришел я к тебе, Айрапет, поговорить... Начну прямо без уверток. — Бархудар потянулся к свече раскурить трубку.

— Да и я не люблю, когда вместо дела начинают плести неведомо что.

— Ты, конечно, Айрапет, не забыл тот вечер после землетрясения?

— Помню, как этот свет.

— Помнишь, мы в этот вечер были вместе?

— Помню хорошо.

— А помнишь ли, о чем мы говорили?

— Помнить-то помню, но не очень... Дай подумать...

— Мы говорили о нашей дружбе, о Сусан и о Сейране. Вспомнил теперь?

— Ой, Бархудар, ну и память у тебя: ведь с того вечера прошло девять лет!

— Я, Айрапет, обещал тогда, как моя дочь подрастет, выдать ее за твоего сына. Теперь он, дай бог ему здоровья, совершеннолетний; также и дочь моя. Пришло, значит, время вступить им в брак. А ведь ты должен знать, Айрапет, что я своему слову хозяин.

— Что и говорить, характер мне твой известен.

— По этой самой причине месяц назад хотел я позвать тебя и покончить дело.

— И я об этом думал, Бархудар...

— Погоди перебивать, речь твоя будет впереди, — властно, как всегда, сказал Бархудар.

— Слушаю, говори, я твой слуга.

И Айрапет приложил палец к губам.

— Твой сын, этот щенок Сейран, таких пакостей наделал, что у меня до сих пор вся кровь кипит, голова кружится и в глазах темно. Вот так бы и схватил нож да искромсал бы сына твоего и мою дочь! Но...

— И поделом, они этого заслужили...

— Вот уже месяц, как я не могу успокоиться. Ведь это не шутка, Айрапет. Пока они были детьми, я радовался на их любовь: они еще ничего не понимали. А теперь они уже взрослые люди и должны сознавать, что ведут себя бесчестно.

— У меня теперь дома ни одной целой палки нет: все переломал об этого сорванца — не помогает!

— Дай мне кончить, Айрапет. О чем это я? Да... С той поры Сейран ко мне в лавку не ходит. И хорошо делает: пришлось бы ему давно сгнить в могиле. Ну, плевать на то, что сам он вышел негодяем, а ведь он бесчестит наше имя. Нынче вечером иду с базара и вижу: целая орава сорванцов бушует у стены. Я отвернулся, иду мимо. Шагу сделать не успел, как слышу один из них во все горло орет: «У него дочь по ночам с Сейраном целуется, а ему, нечестивцу, и горя мало. Ни седин своих не стыдится, ни папахи — по базару ходит». Услыхал я это и чуть с ума не сошел. В глазах помутилось, мороз по коже продрал. Хотел было вернуться, разбить этим подлецам башки, однако, подумав немного, проклял сатану, перекрестился и пошел своей дорогой. Иду нашей улицей, слышу новый разговор; наш сосед, толстый пузырь Матос, кому-то рассказывает: «Нынче Смбат и Сейран затеяли драку с парнями из нижнего квартала». Придя домой, закатил Смбату пару хороших оплеух, стал спрашивать, почему вышла драка. И что же оказалось? Зачинщиком опять был твой сын!

— Не может быть! — вспыхнул Айрапет.

Бархудар не отвечал. Его показное бесстрашие сменилось гневом. Он швырнул свою трубку.

— Услыхал я это, схватил Смбата за уши да об пол. Истоптал я его, до полусмерти избил, пока мерзавца не вырвала мать. Айрапет, скажи мне прямо, можно ли мне терпеть, что я из-за твоего сынка теперь опозорился на весь город? Каково мне, Кеханц Бархудару, среди белого дня слушать такие сплетни про свою дочь? Выходит, что я уже не человек: у меня теперь ни чести, ни папахи...

И Бархудар изо всей силы хватил папахой об пол.

Айрапет побледнел. Будь проклят, сатана! Уж не рехнулся ли сосед? Он не решился заговорить, видя, что тот разъярился.

— Пускай меня сошлют в Индостан, пусть жена и дети нищими по миру пойдут, а я этого терпеть не стану! Айрапет, обуздай сына, говорю я тебе, не то я бог весть что сделаю и с тобой, и с дочерью, и с ним, и с собой. Мало того, что он сам распоясался, он еще и сына моего портит, лодырем его сделал, шарлатаном. С каким лицом пойду я завтра на базар? Да, да, я, Бархудар, всегда осмеивал чужие пороки, избегал всего, что могло бы запятнать мое имя, я готов за честь свою сгнить в Сибири, — я этого не стерплю! На деньги, на хоромы я плевать хотел. Я деньги достаю честным трудом, живу, быть может, впроголодь, все для того, чтобы сберечь свою честь, а эти щенки, Сейран и Сусан, ее топчут. Какой же я мужчина после этого?

— Право, Бархудар, уж я ума не приложу, как быть, — дрожащим голосом ответил Айрапет.

— Не знаешь, как быть? Вот бери эту пакость, вечером сожги и пеплом засыпь глаза сыну!

Бархудар выхватил распечатанный конверт и швырнул Айрапету. Тот отшатнулся в ужасе, глядя на конверт такими глазами, точно перед ним была змея. Наконец двумя пальцами трясущейся руки осторожно поднял его, сдвинув брови, пристально поглядел на свет и с недоумением взглянул на Бархудару.

— Что же тебя удивляет? Сам дерево посадил, сам и плоды с него попробуй.

— Ведь это... Бархудар... Будь он проклят, сатана!

— Невдомек тебе, бедняжка? Это сын тебе пишет из Москвы о торговых делах, — криво усмехнулся Бархудар.

Белый как мел, Айрапет вертел конверт в руках.

— На той самой бумаге, которая принимала на себя евангельские слова, щенки вроде Сейрана выводят свою бессовестную пачкотню. Читай и наслаждайся, счастливый родитель!

— Хоть убей, ничего не понимаю.

— Так позови щенка, пусть прочитает.

Айрапет, сжимая конверт, поднялся. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге вырос Сейран.

— Войди, — обратился к нему Айрапет.

Подскочив к отцу, Сейран выхватил конверт и мгновенно скрылся. Айрапет даже шевельнуться не успел. Несколько мгновений он стоял как вкопанный. Бархудар был вне себя от гнева.

— Вырвал подлец! — крикнул Айрапет, простирая руки.

— Ну и пусть! Авось разведет его в воде да проглотит, чтоб сердце остыло.

— Человек божий, скажи, наконец, что это за письмо?

— Что за письмо? Чтоб тебе и сыну твоему... у-у-у... будь проклят, сатана!

Бархудар скрежетал зубами и сжимал кулаки: казалось, вот-вот набросится на соседа. От испуга ли, от гнева Айрапет задрожал.

— Твой сын пишет письма моей дочери и бросает ей в окно. Кто его так воспитал?

— Письмо? Какое письмо, Бархудар? Ничего не понимаю. Что же он пишет?

— Оно, конечно, понимать невыгодно, вот ты и не понимаешь. Что пишет?

Пишет, дескать, я тебя люблю, без тебя жить не могу, до смерти люблю тебя,

— да! Вот что пишет. Сегодня ночью в десять часов выходи, я буду у вас во дворе. Вот что пишет, понял теперь?

— Ловко пишет, молодец! Чтоб ему пусто было! Ну, ну! Будь покоен, Бархудар, потерпи немножко; увидишь, как я с ним разделаюсь. Только, говоря по совести, ты сам виноват: подбил меня отдать его в школу. Я бы сам никогда не додумался до этого... вот он и осрамил всех нас.

— Как? Я же и виноват? Закрой рот, а то... Ну, да теперь уже долго говорить не стоит, слушай меня. Я пришел сказать, что с нынешнего дня между нами все кончено. Делай что хочешь, но знай, если только твой сын покажется у меня во дворе, без всяких разговоров всажу в него кинжал... Благослови тебя бог!

И Бархудар направился к двери. Айрапет, не ожидавший ничего подобного, окаменел: он только разводил руками, глядя вслед уходившему соседу. Ему

хотелось возражать, кричать, молить, но слова застревали в горле. И только когда Бархудар уже шагнул за порог, он очнулся, швырнул свою папаху, кинулся и обнял Бархудару.

— Оставь меня! Пусти!

— Бархудар, Бархудар, лучше мне подавиться хлебом-солью, что мы вместе делили, чем затевать ссору из-за какого-то щенка. Остановись, Бархудар!

Бархудар обернулся, взглянул на жалкое лицо соседа, потупился, и оба они крепко обнялись.

Ведь Бархудар дал клятву хранить дружбу до гроба. А что же выходит? Неужели он покинет друга навсегда? Хорошо ли эго? А кто виноват? Не Бархудар ли? А его честь? Так неужели он уронит свою честь, запятнает свое имя? Нет, это невозможно, немыслимо, чтобы такой щенок, как Сейран, растоптал его папаху, а он бы по-прежнему ходил в тот дом, где живет обидчик. Нет, он скорее прикончит и Сейрана, и дочь, и душу свою дьяволу отдаст, чем стерпит оскорбительные слова, подобные сегодняшним.

Вот какие мысли бродили в голове Бархудару. Айрапет сосредоточенно молчал.

— Сказал и сделаю, не то честь моя меня задушит. Прощай, Айрапет!

— Стой! — раздалось за дверью; две сильные руки втокнули Бархудару в комнату.

Это был Сейран.

— Сначала выслушай, потом иди куда хочешь.

Дерзость Сейрана и его внезапное появление ошеломили Айрапета. Язык его совсем «одеревенел», как рассказывал он потом жене. Закинув рукава чухи за плечи, прикрывая рот, Айрапет нагнулся: «Ах ты, сукин...», но, не в силах говорить, повернулся туда, где не было никого, и добавил: «Поглядите-ка на этого щенка! Отойди от меня, сатана!» А Сейран, втащив Бархудару, встал на пороге, чтобы тот не ушел.

— Так вот же, намотай себе на ус: к черту твоя дружба, мы не заплачем по ней. Только знай: мою Сусан, и ты у меня не отнимешь! Ты обещал мне ее и клялся,

что ты хозяин своему слову. Так не изменяй же ему. Слышишь, Сусан моя, моя!

Сейран произнес эти слова громко, почти крича.

— Заткни глотку, щенок! Не то я раскрою тебе череп! — заскрежетал Бархудар, сжимая кулаки.

— Ах ты, негодная тварь, сейчас же замолчи! — подхватил Айрапет.

— Не твое дело! — оборвал Сейран отца. — Последний раз говорю тебе, Бархудар, дочь твоя Сусан — моя. Можете ссориться и драться, а про нее — ни-ни! Да! Сусан — моя. И кто попробует ее у меня отнять, того, так и знайте, выпотрошу, как рыбу! Вот видите это?

И Сейран вытащил из-под чухи обнаженный кинжал.

Айрапет так и обомлел. Бархудар стоял словно окаменелый.

— Радуйся, Айрапет, и ликуй, что имеешь такого сына! — прохрипел он наконец и взялся за папаху.

Сейран никак не ожидал, что его угрозы так мало тронут Бархудара. Ему казалось, что сосед или струсит, или сжалится над ним.

— Постой, не уходи, — повернулся юноша к соседу; голос его звучал теперь гораздо тише. — Скажи, в чем я виноват, что ты меня называешь беспутным? Чем я хуже других? Какая беда, что я два раза приходил к Сусан? Ведь я стосковался по ней, хотел повидаться, какой же тут грех? За что теперь вы мучите меня? Отец избил и вышвырнул меня на улицу, а ты, такой почтенный человек, не стыдишься говорить: «Дружбе нашей конец». Делай, что тебе угодно, но Сусан у меня не отнимай, не то вот тебе бог, этим самым кинжалом прикончу и себя и ее.

— Заткни глотку, негодяй, и убирайся отсюда! — рявкнул наконец Айрапет, хватая сына за горло.

— Оставь меня! — оттолкнул Сейран отца. — Не боюсь я ни тебя, ни его! И что вам надо от меня?

Айрапет опять бросился на сына.

— Вон, чтобы духу твоего не было, ты мне не сын!

— Погоди же, дай договорить.

Но Айрапет зажал Сейрану рот и стал колотить его по голове.

На шум вбежала Мариам-баджи и с криком пыталась разнять отца и сына.

Вырвавшись из рук Айрапета, юноша выбежал с криком:

— На куски искрошу того, кто тронет мою Сусан!

— Гордись, Айрапет, своим прекрасным сыном! Прощай! — И Бархудар, напялив папаху, вышел.

— Обрушился мой дом! — простонал Айрапет и бессильно свалился на тюфячок.

12

Так оборвалась нить дружбы между Бархударом и Айрапетом. Две семьи, которые так сроднились и так любили друг друга, живя много лет бок о бок, разошлись.

Гюльназ в одиночестве вспоминала былые дни, грустила о них и плакала. Впрочем, она еще надеялась, что добрые отношения с семейством Айрапета восстановятся. Ей все казалось, что Бархудар погорячился необдуманно, под впечатлением минуты. Однако шли недели и месяцы, а супруг все оставался непреклонным. В конце концов она решила поговорить с ним и напомнить о клятве. Следствием этого разговора было то, что Бархудар велел каменщику заделать полуразрушенную стену, разделявшую соседей.

Несчастный день это был, и особенно для Мариам-баджи и Гюльназ. Они долго потихоньку от мужей вздыхали и охали.

Восстановление стены усилило отчаяние Сейрана. Ведь он так надеялся на мирный исход ссоры. А теперь, убедившись, что всему конец, Сейран совсем растерялся.

Значит, Сусан отняли у него. С этого дня он своей любимой невесты не увидит! Что же думает о нем сама Сусан? Необходимо с ней поговорить, но как встретиться? Днем ее не выпускают, а на ночь запирают. Неужели он никогда не увидит прекрасного лица Сусан, не услышит ее нежного голоса? Нет, на этих же днях он должен встретить ее, должен узнать, страдает ли она.

И если Сусан продолжает его любить, он будет знать, что делать! Если Бархудар не уступит, Сейран похитит Сусан.

Эти мысли не покидали Сейрана в тот самый день, когда старательный каменщик быстро воздвигал ненавистную стену. Юноша совсем лишился покоя, день и ночь вспоминал о невесте и о последнем поцелуе. О, этот несчастный поцелуй! Сколько несчастий он наделал! А во всем виноват сам Сейран. О чем он думал и на что рассчитывал? И неужели Бархудар должен был погладить его по головке и сказать: «Молодец, мальчик, как хорошо ты делаешь, что по ночам целуешь мою дочь».

Нет, Сейран поторопился, не сдержался, поступил неблагоразумно. Мало того, он самому Бархудару нагрубил в тот вечер. Как знать, если бы он не сунулся тогда, сосед, возможно, и забыл бы обиду.

Раздумывая об этом, Сейран однажды вечером понуро шагал по двору. Как бы повидаться сегодня с Сусан? Взгляд его нечаянно упал на новую стену. Возле нее лежала лестница. Внезапная мысль осенила Сейрана. «Да или нет? Эх, будь что будет!» — и Сейран, махнув рукой, поднял лестницу и осторожно приставил к стене. Быстрее кошки он взобрался на самый верх и впился глазами в соседский дом. Двери были открыты, горела свеча. Бархудар на тюфячке курил трубку. Гюльназ была занята шитьем. Их детей не было видно. «Неужели спят?» — подумал Сейран, ища глазами свою невесту. И вдруг в дверях показалась Сусан. Сердце Сейрана дрогнуло.

«Как она побледнела и похудела, бедняжка... Должно быть, больна. С тарелками идет на кухню. Как же быть? Спрыгнуть — испугаешь. Ну, да все равно: другого случая не будет».

В один миг Сейран спрыгнул во двор Бархудара. Прыжок его встревожил Сусан. Она подняла голову и, видя, что кто-то подходит, хотела убежать. Сейран загородил ей дорогу.

— Сусан, Сусан, умоляю, голову мне отруби, только выслушай!

— Опять? Чего тебе надо? Уходи!

— Не могу, я с ума схожу.

— Уходи, если любишь меня. Сейчас придет кто-нибудь...— ответила Сусан, дрожа от страха.

Сейран схватил ее руку.

— Ты меня гонишь, Сусан?

— У Сусан нет языка. Сусан не видит, Сусан не живет, Сусан умерла, уходи!.. Сейран ушам своим не верил. Неужели это говорит живая девушка? Неужели это та самая Сусан? Казалось, эти слова, полные отчаяния, лепечет призрак из туманной мглы. Да нет, это она, Сусан, это ее руку он держит в своей и не хочет выпустить, тянется к ней губами.

— Я знаю, Сусан, тебя замучили. Я виноват во всем, прости меня. Я пришел тебя освободить.

— Только господь освободит Сусан из этого мира.

— Нет, я тебя хочу похитить. Ведь мы друг друга любим, не правда ли? Бежим отсюда в другой город, Сусан.

— Пусти, Сейран; ты сошел с ума.

— Нет, я еще в своем уме. Дай мне слово, и я на этой же неделе увезу тебя. Товарищи помогут.

— Ведь ты же видишь, что Сусан умерла, куда же она поедет?

Они стояли близ кухни. Сальная свеча едва осветила лицо Сусан, когда она повернулась к Сейрану. О, какая она бледная и худая! Когда-то алые щеки поблекли, прорезались морщинки, в больших глазах глубокое страдание.

Дрожь пробежала по спине Сейрана. «Боже мой, боже мой!» Однако юноша сдержал себя.

— Одно только слово скажи мне, Сусан: любишь меня? А я уж буду знать, что делать.

— Умоляю тебя, уйди! Сейчас придет отец. Уходи и забудь меня, Сейран!

— Как? Забыть тебя? А-а, понимаю... Значит, Сейран тебе так противен, что ты его гонишь... Хорошо, я уйду, смотри — на твоей душе грех.

Сейран повернулся. Сусан схватила его за руку.

— Слушай, Сейран. Я вижу, ты обижаешься на меня. Но дай мне высказать тебе все, и ты поймешь, почему я прошу забыть меня. Пойдем на кухню, здесь опасно.

И Сусан повела Сейрана за собой. В кухне, сложив тарелки на полу и поправив волосы, она положила исхудалую руку па плечо Сейрана.

— Я люблю тебя. Верь, не верь, но это так. Взгляни на меня: ведь я иссохла от любви. Но мы должны расстаться.

— Люблю — и должны расстаться! — с горькой усмешкой повторил Сейран.

— погоди, сначала выслушай. Ты знаешь моего отца: его хоть повесь, он все равно меня не выдаст за тебя. А бежать — это глупость: ни ты, ни я на это не решимся. Бегство только очернит доброе имя наших родителей; и без того они опозорены. Если мы убежим, мой отец в тот же день повесится. Кеханц Бархудар — раб чести. Лучше уж я буду страдать и сойду в могилу, мне будет легче, чем опозорить отца. Правда, он меня и видеть не хочет, но я его по-прежнему люблю. Ты только подумай, родители произвели нас на свет божий, воспитали, вырастили и, наконец, что ни говори, любят нас. Сейран, ты только присмотришься к моему отцу, и ты увидишь, как он изменился за это недолгое время: постарел, осунулся, похудел, щеки пожелтели, глаза ввалились, весь он согнулся. И все из-за меня. С того дня, как он поссорился с вами, он ни разу не поел как следует и ни разу спокойно не говорил с матерью. И день и ночь он вздыхает, не хочет ни с кем встречаться; все думает, что каждый встречный может попрекнуть его мной. Совсем не спит и только курит без конца, не говоря ни слова. Сам согласишься, Сейран, что ведь это наш грех, мы во всем виноваты. А мать? На что она стала похожа! Глядя на отца, она тает точно свечка. Какая была красивая и стройная, а теперь постарела и сгорбилась, точно не три месяца прожила, а целых тридцать лет. А ведь она любит тебя, Сейран, очень любит. Как ни старалась она смягчить отца, ничего из этого не вышло. Да разве можно уломать Бархудара, раз дело касается его чести? Теперь он затаил тоску в груди, и она, как змея, его медленно гложет. Так посуди же, Сейран, как мне быть? У меня сердце разрывается, как смотрю на

родителей, а ведь во всем виновата только я. Нет, я никак не могу их оставить и пойти за тобой ради своего счастья. Уж лучше я буду страдать, умру, но не убью родителей.

Все это Сусан говорила слабым, дрожащим голосом. Сколько страдания было на ее лице! Сейран понурил голову и грустно промолвил:

— Пропал Сейран, где ему! Стоит ли жить Сейрану, если Сусан его не любит?

— Сусан не любит Сейрана? Ты сперва посмотри на нее, а там уж говори.

— Тебе отцовская честь дороже меня? Не знал я этого. Мне все казалось, что для тебя нет ничего дороже Сейрана; теперь вижу, что ошибся.

— Я все тебе сказала, Сейран, а ты мне все-таки не веришь. Зато смерть моя заставит тебя поверить.

— А зачем тебе умирать? Живи себе на здоровье. Говорят — я сам слышал, — будто тебе другого жениха нашли и скоро будет свадьба.

— Это правда... Только не мы его нашли, а сам он сыскался. Даже не знаю, кто он такой. Однако я должна покориться и выйти за него; я должна подчиниться родительской воле.

— Должна выйти за него и подчиниться родительской воле, — через силу прошептал Сейран.

— Да, я должна непременно выйти замуж. Ведь тебе же известно, как наша неосторожность опозорила меня на весь город.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что мне необходимо с кем-нибудь обвенчаться и смыть позорное пятно и с себя, и с моей семьи.

— Ты выйдешь за другого?

— Если я выйду за тебя, все будут говорить: «Разбитую посуду дали склеить тому, кто ее разбил». Понял теперь? Да, я выйду за другого. И когда все убедятся, что я совсем не «битая посуда», то через несколько месяцев, не позже чем через год, меня свезут на кладбище.

— Сердце, сердце мне говорит, что ты меня не любишь! — воскликнул Сейран.

— Погоди, увидишь.

— Увидеть, как мою любимую Сусан возьмет кто-то другой! Нет, я не вынесу этой пытки!

— Ну, Сейран, довольно, поговорили. Об одном прошу тебя: если ты меня любишь, не пиши мне больше писем. Твое последнее письмо до меня не дошло. Ты, как мальчик, кинул его в окно, когда там был отец. Он велел брату прочитать его и за каждую строчку я получила по удару. Мне и без писем про тебя все известно. А теперь простимся в последний раз.

Сусан прижала голову Сейрана к себе и жарко поцеловала его в лоб. Две крупные слезы пробежали по ее поблекшему лицу: одна упала на руку Сейрана.

— Жестокая ты! Обрушила мой кров! Прощай! Если что со мной случится, грех на тебе.

Сейран повернулся и вышел.

— Не сердись, потерпи и увидишь. Прощай! — прошептала Сусан.

13

Опечаленный, отчаявшийся Сейран не захотел идти домой. С трудом забрался он на стену, спустился по лестнице во двор и вышел на улицу.

Было уже поздно. Сейран направился к нижнему кварталу. Шел он медленно, понурясь, неверными шагами, не сознавая сам, куда идет.

Значит, Сусан у него отнимают и отдают Кочаранц Рустаму, безобразному идиоту, на черта похожему. И Сусан соглашается идти за него, а бежать с Сейраном ей страшно. Какой вздор! Не родительскую честь она защищает, а просто не любит Сейрана. Иначе она с радостью бы протянула ему руку и сказала: «Веди меня, Сейран, куда хочешь: я твоя и никого не боюсь». Разве мало было случаев, когда юноши похищали девушек? Бездушная и бессердечная, ты не знаешь, как мучится Сейран. Знай ты это, твой ответ был бы другим. Ты бы бросилась к нему, целовала бы его, облила бы слезами его руки, умоляла бы вырвать из когтей отца. Ах, Сусан, Сусан! Значит, ты забыла

свое обещание: «Сейран, я тебя люблю и никогда не забуду!» Где же твоя любовь? Зачем ты выгнала его на погибель?

— Однако куда я иду? Точно сумасшедший, — очнулся наконец Сейран.

Остановившись посреди улицы, он огляделся. Кругом ни души. Он постоял и пошел дальше.

Нет, Сусан не может забыть Сейрана. Если она его не любит, почему она так исхудала и высохла? Куда девалась прежняя Сусан? Боже мой, как изменилась бедняжка за эти три месяца! Ее румяные щеки теперь пожелтели, и шея стала тоньше стебелька. Нет, нет, Сейран жестоко ошибается: Сусан его любит. Но разве эта любовь не может побороть любви к родителям? Почему у Сусан не хватает силы пренебречь предрассудками и сплетнями, уйти с возлюбленным и насладиться счастьем, так редко выпадающим на долю человека в этой короткой жизни?

«Похитить... но, как и куда я могу увезти Сусан? Денег нет, ремесла никакого не знаю... Почему я ничему не обучился? Теперь об этом поздно думать. Господи, куда мне пойти, как быть, с кем поделиться горем? Неужели броситься в ноги отцу и умолять о примирении с соседом? Как же, послушает отец мои мольбы! Он и без того три месяца бился, чтобы как-нибудь вернуть былую дружбу. А что вышло? О-о, Бархудар — это зверь, к нему не подступись, он слову своему хозяин. Пока не восстановил он стену, еще была надежда, а теперь эта стена навсегда разделит былых друзей!

Впрочем, стой... ведь Бархудар хозяин своему слову, у него твердая воля! Где же его обещание, данное девять лет назад? Так-то он исполняет его? Гордец! Почему ты предал забвению свое обещание? Ведь это же поступок бесчестный!»

И опять Сейран постоял, осмотрелся и побрел дальше.

«Господи, и что это я за чепуху несу! Что такое Бархудар, и чего я от него могу требовать? Ведь он же отец, да еще пожилой —шестьдесят ему стукнуло, — неужели я на его месте поступил бы иначе? Вряд ли. Он просто говорит: «Честь моя не стерпит, чтобы дочь по ночам таскалась с беспутным

мальчишкой: ведь мне люди глаза заплюют». И это верно. По части плевков люди мастера. Чужой позор их радует... Оправдывает их собственные пакости».

Вдруг Сейран хватил себя обеими руками по голове и остановился как вкопанный. Он вспомнил что-то очень важное, о чем давно забыл, но что именно, не мог как следует сообразить. Несколько минут он то поднимал, то опускал руки, наконец опять ударил себя по голове и громко заговорил:

— Горе мне, горе! Как я смею винить других, когда сам во всем виноват? Зачем язык мой не отсох в тот день, когда я все выболтал парням! Зачем бог не заткнул мне глотку три месяца назад, когда на пирушке я напился до беспамятства! Вот что я наделал! Расхлебывай теперь! И что я тогда сказал? Что скоро обвенчаюсь с дочерью Бархудары. Для злых языков и этого довольно: схватившись за нитку, они размотали весь клубок.

Теперь Сейран очутился на одной из нижних улиц, подле старой церкви. Подойдя к церковной ограде, он присел на камень.

Звезды горели на ясном небе. Долго Сейран разглядывал их. Чего только не передумал он! Мысли его носились точно лодки, развеянные бурей, по морским волнам. Проклятый родными, отвергнутый любимой девушкой, бедный юноша чувствовал, что в жизни для него не остается никакой опоры. Страшная тяжесть давила его сердце. Чтобы хоть немного рассеяться, Сейран начал про себя мурлыкать веселую песенку, но она сменилась унылой, потом он совсем умолк и молча уставился в землю.

«Нет, я еще не погиб. Я еще жив! И кто смеет говорить, что Сусан для меня потеряна? Она моя. Буду скитаться босой и в рубище, но не позволю, чтобы мою любимую вырвали у меня. И кто же хочет ее вырвать? Кочаранц Рустам! Бедный Сейран, где же твое мужество, где честь твоя?»

Он взглянул на небо. И небо, и звезды, казалось ему, стали другими. В счастливый вечер встречи с Сусан они ему улыбались, а теперь потускнели и точно смеются над ним.

Слабые звуки привлекли внимание погруженного в мысли Сейрана. Мелодические переливы тара¹⁴ вторили персидским напевам. Где же это веселятся?

Озираясь, Сейран дошел до угла. Тут он увидел погребок; в окошке мерцал тусклый свет. Сейран заглянул в окно. Музыка уже утихала; ее сменили пьяные выкрики.

— Урра!

— Урра, урра!

— Теперь выпьем за обрубки, — рявкнул кто-то.

— Идет!

— Да пропустим по чарке мадрасинского!

— Тише, слово за тамадой!

Мгновенно все утихло. Сейран увидел, как один из юношей поднялся с полным стаканом.

«Должно быть, это тамада, а ну-ка послушаю, что он скажет», — подумал Сейран.

— Выпьем за того молодца, которого здесь нет, но чье сердце с нами.

— За какого это молодца ты хочешь пить, ага тамада?

— За Сейрана.

— Ну нет, меня хоть повесь, а я за такого нечестивца пить не стану.

— Почему?

— Он осрамил нашу братию.

— Чем?

— А тем, что у него из-под носу утащили невесту, а он стоит разиня рот.

— А я было думал, что ты, болван, о деле хочешь говорить. Пей! Неужели мы допустим, чтобы у нашего молодца отбили невесту? За Сейрана, урра!

Поднялся шум, и заиграла музыка.

Сейран подошел к духану и постучался. Дверь распахнулась.

¹⁴ Тар — восточный музыкальный инструмент.

В то время как Сейран бродил по городу, Сусан мучилась под гнетом тяжелых мыслей. Она подошла к очагу, сняла котел и поставила на пол; потом, разостлав овчину, села на нее и принялась мыть посуду.

«Он не верит, что я его люблю, — повторяла девушка, опуская в кипяток тарелки одну за другой, — не верит, что только из-за него я так изменилась, исхудала».

Вспомнив, какое жалкое лицо было у Сейрана при разлуке, Сусан вздохнула. Как знать, куда он пошел? Где он приклонит свою несчастную голову?

— О господи, ты нас соединил, и ты нас разлучаешь, — прошептала Сусан, вперив взор в закоптелый потолок кухни. — За что, за какие грехи ты так разгневался на нас? Эх, да будет во всем твоя святая воля.

От догоравшего очага шел мрачный желтоватый свет. Сусан сидела перед очагом; лицо ее теперь казалось еще печальнее.

«Помилуй меня, господи! Что за мысли лезут в голову; накажет меня бог».

Еще в школе у монахини Сусан узнала, что бог прежде всего сотворил мир. Потом, создав Адама и Еву, сказал им: «Все, что вы видите: море, землю, животных и птиц — все отдаю в вашу власть, все будет вам повиноваться».

Если это правда, почему же господь не позволил человеку повелевать и своим сердцем? Кабы нам было это позволено, мы бы не страдали и не грешили.

Говорят, же умные люди, что надо слушаться не сердца, а рассудка. Как бы не так! Рассудок подсказывает Сусан, что она не должна любить Сейрана: так хочет отец. А сердце говорит совсем иное. Почему?

Не находя ответа на этот вопрос, Сусан с тарелкой и тряпкой в руках уставилась на очаг, где потрескивали угольки. Не мигая, глядела она на огонь, потом опять взялась вытирать тарелку.

«Нет, сколько ни думай, правда на моей стороне. Взять хоть бы отца. Человек неглупый, твердый, и все-таки решает он не умом, а сердцем. Он говорит: «Я порвал с Айрапетом из-за чести». А что такое честь? Мне сдается, что это человеческое сердце и больше ничего. Или еще, отец говорит, что сердце у

него ноет, когда он слышит, как о нем нехорошо говорят в городе. Вот его слова: «Я знаю, что про мою дочь говорят ложь, и все-таки краснею». Почему же он краснеет, раз это ложь? Потому что сердцу не по нутру эти слухи. Вот и выходит, что даже отец не может победить свое сердце: мучит и себя и нас. Одно я знаю, что не в силах забыть Сейрана. Он в моем сердце и выйдет оттуда только с моей душой».

Сусан быстро вытерла глаза рукавом.

«Господи, да будет на все твоя воля, об одном лишь молю тебя: пожалей меня и моих родителей. Дай мне силы дожить до замужества хотя бы с Рустамом, а потом продли мою жизнь ненадолго, чтобы я имела время смыть грязное пятно с имени родителей и с моего. Передаю тебе мою душу, потому что без Сейрана все равно я жить не могу».

Девушка собрала тарелки и вышла. Еще подходя к дверям, она услышала громкие голоса родителей.

Бархудар уже давно не разговаривал с женой. Сусан была очень удивлена; ей хотелось узнать, о чем идет речь, и она осторожно притаилась за дверью.

— Без конца я твердил тебе, жена, и теперь говорю в последний раз: я лучше тебя знаю, что делать. — Бархудар говорил медленно и резко. — У меня еще не высохли мозги, чтобы я стал себя опять позорить. Я спрашиваю тебя, что будут говорить, если я выдам дочь за Айрапетова сына? Все скажут, что вот Бархудар отдал дочь свою, как грязную тряпку, выстирать тому, кто ее запачкал. Да к этому еще кое-что прибавят. Ты ведь знаешь наш народ: только поскользнулся, сейчас же затопчут. Сбережем хоть остатки нашей чести.

Гюльназ отвечала дрожащим голосом:

— Голову дам на отсечение, если дочь моя не окажется чистой, как свет от этой свечи. Поверь, Бархудар, что Сусан невинна, как ангел.

— Я-то верю, а попробуй наш город в этом убедить. У меня всего две руки: если я заткну пару глоток, как быть с остальными?

— Но как же нам унять злоязычных, Бархудар, как избавить нашу дочь от страдания?

— Я уже сказал тебе.

— Выдать Сусан за Рустама?

— Или за кого-нибудь другого.

— Пойми же, Бархудар, что дочь наша любит Сейрана, с другим она жить не станет.

— Провались сквозь землю ее любовь, мне моя честь дороже!

Наступило молчание.

Сусан сквозь щель заглянула в комнату. Мать плакала. Все эти три месяца она крепилась, и вот только теперь горькие слезы ручьем побежали по ее изможденному лицу.

Бархудар покручивал усы и смотрел на потолок.

«Мать плачет, а отцу все равно, — подумала Сусан. — Но как он бледен, как у него посинели губы! Такие люди не умеют плакать. Они скрывают свои страдания и усугубляют свою боль. По глазам вижу, что он страдает куда больше, чем мать. Господи, научи меня, как помочь родителям? Упасть к ногам отца и, рыдая, рассказать ему все, чтобы вымолить прощение? Но что расскажешь? Да и какие за мной грехи? Нет, лучше завтра утром убедить мать, что я не люблю Сейрана и хочу выйти за другого.

Хоть этим успокою бедняжку».

— Слушай, жена, — заговорил Бархудар, — слезами горю не поможешь, не лучше ли мозгами пошевелить? Надо же покончить с этим делом. Ведь ты же сама говоришь, что дня не проходит, чтобы Шппаник не являлась к тебе от Рустама: если придет опять, скажи, что я согласен выдать дочь.

— За Рустама?!

— Да. И на днях же устроим обручение. Нечего тянуть, обдумай, что нужно для свадьбы, я все закуплю. Это мое последнее слово.

— Шппаник уже третью неделю к нам не ходит, — ответила плачущая Гюльназ.

— Почему?

— Должно быть, мать Рустама что-нибудь услышала. Поэтому я и говорю: выдай ее за Сейрана...

Бархудар нахмурился.

— Завтра же позови Шппаник, я сам с нею поговорю, — сказал он наконец.

— Недоброе ты дело затеваешь...— вздохнула Гюльназ.

— Все равно ты меня не уломаешь, это дело решенное. А не то я вас всех прикончу.

— Бархудар!

— Молчи, негодная, не выводи меня из терпения!

Гюльназ горько рыдала.

Вошла Сусан.

15

Рассветало. Солнце медленно всплывало из-за ближней горы, румяные лучи его, постепенно бледнея, опускались в долину. Наконец оно добралось до подножия гор, где высились купола армянской и недавно выстроенной русской церковей.

Жители города спешат по своим делам. Улицы оживляются. Крестьяне гонят тужело навьюченных ослов, продавцы фруктов горланят что есть мочи: «Кизил, кизил, гривенник мерка! Огурцы, огурцы, двугривенный сотня!

Черного, раннего инжиру!» Из ворот то и дело выглядывают закутанные женские головы, боязливо смотрят, нет ли на улице чужого мужчины, и уже тогда делают знак продавцу. Торг длится несколько минут. Женщина отсчитывает медяки, продавец отвешивает фрукты. Пересыпав их на поднос, покупательница быстро скрывается.

Самодовольно покручивая усы, глядя по сторонам, шествует посередине улицы в свою лавку недавно разбогатевший торговец Хачов. Он уже успел заменить бухарскую папаху фуражкой; на ногах у него не чувяки, а модные ботинки. Хачов умышленно ступает по огромным камням мостовой, чтобы ботинки его скрипели как можно громче. В руке у него позвякивает связка

ключей, часовая цепочка звонко ударяется о пояс, окованный серебром: все эти звуки тешат сердце Хачова.

Следом семенит Тамраз; под мышкой у него в грязном платке хлеб с сыром, за плечами связка недошитых чувяков. Вот Тамраз поравнялся с Хачовом, обогнал его шага на два, остановился и приложил руку к сердцу.

— С добрым утром, ага.

— С добрым утром, уста, — не взглянув на Тамраза, отвечает Хачов.

Все спешат в разные стороны. Не видно только Айрапета. Он дома.

Накинув чуху с длинными рукавами, нахлобучив папаху, ходит он взад-вперед по комнате, посасывая трубку. Лоб насуплен, губы стиснуты, руки трясутся: все говорит о тяжелой внутренней борьбе. Иногда по бесцветным губам пробегает горькая улыбка. И тогда блуждающие взоры старика, как бы против воли, устремляются на Мариам-баджи, приткнувшуюся в уголке.

Она не смотрит на мужа. Против обычая голова у ней не повязана, короткие волосы падают до плеч. Перед ней лежит Сейран с красным платком на голове.

По закрытым глазам и спокойному лицу видно, что он спит. Мариам-баджи, вздыхая, щупает сыну лоб: «Жар». Из-под платка на лбу Сейрана видны застывшие капли крови. Лицо распухло.

Убедившись, что сын заснул, Мариам-баджи осторожно встала.

— Умойся да волосы поправь, сейчас, того гляди, явятся разные ханжи, начнут вздыхать да причитать, — вполголоса сказал Айрапет.

— К дьяволу их всех, не об них моя забота. А ты, человек божий, так и не сказал, что случилось с моим бедным детищем?

— Ради бога, не бери моего сердца! — отвернулся Айрапет.

— Боже праведный, воздай им по их делам, чтобы родители врагов моих так же страдали.

— Ты попусту не проклинай других. Никто не виноват. Поделом ему. Эти страдания пойдут ему па пользу. Если у осла хвост дорастет до земли, и тот поумнеет. Для Сейрана у меня нет другого проклятия: дай тебе бог иметь такого же сына, чтобы ты мучился, как я!

— Полно тебе, человек божий, так терзаться. Слава богу, что наш сын еще живым воротился. Ведь его убить могли.

— Ах, кабы убили и нас освободили.

— Отсохни твой язык!

— Сегодня приволокли живого, завтра или послезавтра, бог даст, без головы принесут.

Не слушая зловещих слов мужа, Мариам-баджи стала приводить себя в порядок.

— Да, увидишь ты, чем он кончит, — продолжал Айрапет. — С той поры, как он связался с пьяницами, курильщиками и картежниками, я на него рукой махнул. Поняла? Песенка его уже спета — давно пора ему стать собачьим мясом. Не надо мне такого сына, который всю ночь шляется по духанам, пьянствует, дерется, а потом избитого, изуродованного его волокут в ковре домой. Отдаю его тебе, будь с ним счастлива, а я умываю руки: я отказываюсь от него.

И Айрапет, схватившись за ворот архалука, начал его трясти.

— Когда он откроет глаза, скажи ему, чтобы не смел мне показываться. Пускай идет, куда хочет. А я ему больше не отец. Все кончено! Понимаешь, я, горшечник Айрапет, отныне ему не отец, и все. Сегодня же пойду в канцелярию и скажу, что отказываюсь от него.

— Конечно, аминь, исцелил ты мою сердечную рану! Ну, хорошо: пусть он собака, сорванец, негодяй, но ведь он же твой сын, ты отец ему! Твой долг наставить его на правильный путь...

— Не хочу я, понимаешь, не хочу, чтобы он назывался моим сыном. Бери его, сажай себе на шею, делай с ним, что хочешь. Не из-за него ли в один день порвалась тридцатилетняя дружба с Бархударом? Не он ли причина, что в городе треплют имя честной девушки? Нет, нет, нет, он мне не сын!

— Пускай твоего бедняжку Бархудар змея ужалит, пусть десять ножей пронзят ему сердце, пусть он просит у бога смерти, а смерть от него убежит! Это он, негодник Бархудар, сгубил моего бедного сынка!

Осыпая Бархудару ядовитыми пожеланиями, Мариам-баджи смотрела на потолок и била себя в грудь. Айрапет, одной рукой держа трубку, а другой нахлобучивая папаху, сердито уставился на жену. Наконец он собрался что-то сказать, но злость перехватила ему горло. Он сунул трубку за пояс, опустил руки и, покачивая головой, продолжал смотреть на жену.

Накинув на голову шаль, Мариам-баджи сказала:

— Провалиться бы всем, кто счастлив на этой земле! Под благовест добрые люди молятся, а я проклинаяю.

— Это потому, что ты змея! — ответил Айрапет. Он подошел к жене и замахнулся трубкой.

— Делай со мной, что хочешь, мне все равно. У меня сердце кровью обливается, как же мне не проклинать этих извергов?

— Во всем виновата ты!

— Нет, не я, а пес Бархудар. Так пусть же выдает свою дочку за Рустама, за щенка этой паскудницы Санам. Еще бы, ведь он богатый купец... Только повремени немного, скоро ты сам увидишь, как Бархудар будет бить себя по затылку.

— Ты что-то слишком разболталась, замолчи! — оборвал ее Айрапет. — Должно быть, много овса тебе досталось. Коли так, давай меняться: бери мое, а мне давай свое.

И Айрапет, сняв папаху, надел ее на голову жены, а сам покрылся жениной шалью.

— Так-то лучше: ты будешь мужчиной, а я женщиной.

— Боже, ты наделил его птичьим умом, а теперь и этот последний отнял! — Мариам-баджи злобно сорвала с головы Айрапета свою шаль.

Папаха отлетела па постель. Сейран проснулся.

Юноша приподнялся. Айрапет подошел взять папаху, и на мгновение взгляды их встретились. Схватив папаху, Айрапет отвернулся. По лицу Сейрана было видно, что его терзают угрызения совести.

— Воды, — слабо прошептал он.

Мариам-баджи торопливо исполнила его просьбу. Сейран, однако, заметил, с каким презрением отвернулся от него отец.

— На, пей, — сказала Мариам-баджи, поднося стакан с водой ко рту сына. — Что у тебя болит?

— Голова, — ответил Сейран, укрываясь одеялом.

— Ты хоть бы посидел, сынок, поговорил, легче стало бы, не все же спать, — уговаривала Мариам-баджи.

— Не могу, голова болит.

И Сейран еще глубже зарылся под одеяло.

— Не можешь? Да, лучше бы тебе удавиться от стыда, а не разговаривать! — вмешался Айрапет, набивая трубку. — Неужели у тебя нет ни капли совести?

— Упокой, господи, твоих родителей. Айрапет, не говори ничего. Молчи: ты видишь, какая беда надвигается на нас, — взмолилась Мариам-баджи.

— Что ты, чертова кукла, слова сказать не даешь! — заревел Айрапет на жену.

— А ты, негодяй, что ты делаешь с нами?

Сейран молчал.

— Язык отнялся? Пусть сломает себе шею, кто тебя родил!

— Да, да, да! — с горечью подхватила Мариам-баджи.

Тут Сейран показался из-под одеяла. Опираясь на левую руку, он уставился на отца. Потом снова улегся.

— Что тебе хочется, сынок?

— Гм, гм... он, видно, лаять хочет, лай, лай, негодяй.

— Если я плохой сын, так и ты не бог ведь какой отец, — пробормотал Сейран.

— Слышишь, жена? Каков наш сынок: и барчуку не уступит.

Айрапет не мог сдержаться. Сорвав с плеч чуху, стискивая трубку и скрежеща зубами, он изо всех сил топнул ногой.

— Айрапет, Айрапет, опомнись!

— Молчать! Так ты... на отца идешь! Вон отсюда! Вон, говорю тебе! Прочь убирайся, змеиное отродье!

И Айрапет сорвал одеяло с постели сына. Мариам-баджи бросилась к его ногам.

— Умоляю, не губи ты нас, обрушится наш кров!

— Где моя одежда, я больше вам не сын! Я ухожу! — крикнул Сейран, соскакивая с постели.

Оторвавшись от мужа, Мариам-баджи бросилась на колени перед сыном и начала рвать на себе волосы.

— Сейран, Сейран, сжался над своей замученной матерью! Пощади ее седые волосы! — вопила она, заливаясь горькими слезами.

У Айрапета от ярости дрожали и руки, и седая голова. Однако слезы матери тронули Сейрана. Он точно оцепенел.

— Не держи его, пускай уходит. Посмотрим, куда он пойдет, — заговорил, слегка смягчаясь, Айрапет.

— Нет, не пушу я его! Не дам оторвать ноготь от пальца, сына от отца! Пусть мне сначала отрубят голову!

— Кланяйся в ноги, Сейран, своей старой матери, а то, бог видит, мокрого места я бы от тебя не оставил.

— А мне все равно теперь. Мне только мать жалко, ты же знай, как только ноги мои окрепнут, я уйду из дому.

И обессиленный Сейран упал без чувств.

— Боже, покарай меня! — вопила бедная женщина.

Но тут на дворе раздались шаги. Айрапет выглянул, повернулся и молвил жене:

— Вставай, привалила чертова орава.

В комнату ввалились гурьбой женщины: окутанные разноцветными покрывалами, они охали, ахали и причитали.

Айрапет надел чуху и вышел.

Мариам-баджи пошла навстречу гостям.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Посреди верхнего городского предместья, довольно далеко от домов Бархудары и Айрапета, в конце прямой улицы стоит одноэтажный дом. Он совсем новый: по выбеленным стенам из тесаного камня видно, что он построен после землетрясения.

Эго дом Качаранц Рустама; в нем две просторные комнаты, убранные наполовину по-европейски, наполовину по-азиатски.

На четвертый день после драки Сейрана в духане, в самый полдень, в этом доме находилась только мать Рустама— Санам-ханум, женщина лет сорока пяти, среднего роста, здоровая и румяная, хотя годы уже покрыли ее лицо неизбежными морщинками. Одета она была не богато и не бедно, но опрятно, как все шемахинские жительницы среднего достатка: широкая из черного сатина юбка, синяя шелковая рубаша с широкими рукавами и пестрый архалук багдадского бархата. Стан ее был охвачен поясом, тоже шелковым; темно-синий цвет его указывал, что Санам-ханум овдовела. Под изящно вышитым узорным платком, фиолетовой сеткой и темной шерстяной шалью, из-под черного волосника выбивались волосы, окрашенные хной.

Санам-ханум была одинока. Ее единственный сын Рустам — на чужбине. После землетрясения, подорвавшего торговлю в Шемахе, Рустам со всеми своими товарами перебрался в Темир-Хан-Шуру; там он живет уже третий год. Тяжел был для Санам тот печальный день, когда Рустам покинул родной город! Всю силу своего красноречия истощила бедная мать, умоляя сына не покидать Шемахи.

— Шемахинская торговля мне хлеба не дает; попытаю счастья на чужбине, — отвечал Рустам.

— На кого же ты меня покидаешь, милый сынок?

— Я еду в Шуру ненадолго: устрою дела и возьму тебя к себе.

— Чтобы я на старости лет скиталась на чужим местам и кости свои сложила на чужбине?! Нет, уж лучше умереть с голоду дома, чем щеголять в шелках и

золоте среди чужих людей. Не нужна мне золотая чаша, если придется плевать в нее кровью, — так говорили наши деды.

— Неужели тебе нравится коротать жизнь в развалинах? Ведь камня на камне не осталось. День и ночь все мы боимся: вот-вот опять дрогнет земля. Брось этот проклятый город и успокойся.

— Не говори так, сынок, не говори: слаще родной земли нет ничего на свете. Кто привык к ней, не может жить в другом месте. Вон ласточка — маленькая тварь, а как она любит свое гнездо!

— Любит, однако каждую осень его бросает и улетает в чужие края.

— А потом опять возвращается. Птичка, и та понимает, что значит насиженное место.

— Все это глупости: и родная земля, и дедовские очаги. «Где есть и пить — там и жить». В Шемахе нет хлеба, нет. И зря ты меня уговариваешь. Сказал — и кончено!

Зная характер сына, Санам-ханум не решилась ему перечить.

И вот пронеслось три года, а Санам так и не довелось ни разу увидеть сына. Одиночество угнетало ее. Она посылала сыну бесконечные письма, умоляла приехать хоть на денек. Но Рустам все откладывал свидание.

Однако за последнее время Санам повеселела: от Рустама пришло радостное известие. Он писал, что дела его идут хорошо, что пора ему подумать о женитьбе; пожил холостяком — и довольно. В конце письма он просил мать найти ему в Шемахе хорошую невесту: он приедет и женится.

Выбор невесты Рустам всецело предоставлял матери.

Санам только этого и хотелось. В самый день получения письма она послала за свахой Шппаник и поручила ей подыскать «хорошую, красивую, умную, толковую, грамотную и скромную девушку». Долго она совещалась с Шппаник. Перебрали всех. Одна красива, но бестолкова; другая толкова, но некрасива; третья совсем бы подошла, да замуж ей рано; у четвертой нос набок, у пятой волосы коротки и губы выпячены. Короче говоря, всех

городских невест Санам разобрала и забраковала. Однако через месяц после долгих размышлений она остановила выбор на Сусан, дочери Бархудары.

— Ах, что за девушка! Статная, а глаза какие, — распевала Шппаник. — Ну да ведь и жена Бархудары Гюльназ красива, точно лань. Дочка вся пошла в мать, только умом раз в десять ее сильнее: недаром у монахини обучалась. Видела я ее на пасху в церкви, хотела заговорить, так бедняжка со стыда сгорела, слова вымолвить не могла.

— Так ты, Шппаник, устрой мне это дело, я тебя за труды уж вот как отблагодарю.

Шппаник в подобные дела вкладывала всю душу. С этого дня она просто замучила семью Бархудары. Раза три-четыре в неделю она забегала к Гюльназ, но сватовство не клеилось. За последние две недели Шппаник не бывала в доме Бархудары. Между тем родственницы Санам, узнав, что она хочет женить сына на Сусан, явились к ней неожиданно целой гурьбой.

— Что это мы слышали, Санам? Что может быть общего у этой шлюхи, дочери Гюльназ, с твоим сыном? Разве ты не слыхала, что за птица эта Сусан, что она выкидывала с сыном Айрапета?

— А что она такое сделала? — изумилась Санам.

— Ой, ой, ой! Ты спроси, чего она не делала, — злорадствовала золовка Манан, степенная шемахинская обывательница. — По ночам она с ним обнималась в укромных уголках.

— Дальше, дальше?

— Дальше ты сама должна знать: молодой парень, молодая девушка...

— Вай, ва! Знать, отнял у меня рассудок господь...

— То-то и оно! И стала бы ты посмешищем на весь город. Не марай своего честного имени, одумайся!

В тот же день Сапам запретила Шппаник ходить к Гюльназ и говорить, что Рустам собирается жениться на дочери Бархудары. И опять любящая мать с помощью свахи принялась искать невесту для сына. Бились они недели две и не нашли никого.

И вот теперь, усевшись на тахте, убранной персидскими коврами, Санам гадала на картах. Раз десять она раскладывала колоду, но ничего путного не выходило. Утомившись, она уже готовилась бросить карты и вдруг услышала женский голос. Кто-то во дворе напевал и прихлопывал в ладоши. Санам выглянула и узнала Шппаник.

Сваха вошла и затараторила:

— Здравствуй, здравствуй, вечно здравствуй, кумушка! Как твои дела и как здоровье? Поведай обо всем: мы так давно не видались!

И сваха, подбоченившись, в упор глядела на хозяйку.

— Что же ты молчишь и хмуришься? Может быть, кто-нибудь назвал твоего осла хромым?

— Да разве ты дашь рот разинуть? Вбежала как угорелая и городишь неизвестно что, — приподнялась Санам. — Пришла, так и веди себя как следует.

— Не буду я молчать. Господь дал нам язык, чтоб говорить.

— Ну ладно, садись да выкладывай свои вести.

— А ты сначала приготовь добрую закуску: страсть есть хочется, в животе совсем пусто. — И Шппаник подтвердила свои слова выразительным жестом.

— Лопни твоя утроба, Шппаник, ненасытная ты!

И Санам вышла готовить закуску для свахи.

2

Шппаник было лет сорок. Смуглое лицо, большой рот, широкие скулы и хитрые глаза. Раз в неделю она красит волосы и руки хной.

Не подчиняясь обычаю, она и зимой и летом ходит без покрывала, из-под изношенной шали падают короткие волосы. В общем, она напоминает цыганку. В городе ее так и зовут: «цыганка Шппаник».

Живет она с мужем и двумя детьми в бедном домишке на одной из заброшенных улиц. Муж ее, испитой, низенький, узколобый, с опухшими глазами зурнач Татун, известный пьяница. Пил он в любое время дня, как только заводились деньги. Его знали во всех духанах, где еще юношей коротал

он дни, как зурнач. На свадьбы и пирушки его редко приглашали: в трясущихся от пьянства руках плохо держалась зурна. Впрочем, сам Татун не добивался, чтобы его приглашали. Только бы достать денег на водку и вино, а где играть — ему было безразлично.

— Дядя Татун, а ну-ка поиграй! — приставали к нему на улице парни.

И Татун тут же садился и ставил перед собой чувяки. Потом поправлял огромную папаху, долго налаживал зурну, испытывая терпение слушателей и начинал играть. Брови его приподнимались, лоб морщился, щеки раздувались, глаза наливались кровью, и он начинал свой излюбленный «сахари»¹⁵.

Часто игра Татуна неожиданно прерывалась. Вдруг кто-то ударял его кулаком по шее.

— Ах ты, дрянной бездельник, бессовестный! Базар устроил! Вставай и айда домой! — кричала Шппаник, схватив мужа и швырнув его, точно грязную тряпку.

— Господи, опять! Что ты мне не дашь на хлеб заработать? — лепетал Татун. Дома начиналась другая сцена.

Зажав мужу рот папахой, Шппаник осыпала его ударами. Маленький человечек пытался звать на помощь, кричал. Наконец, улучив удобную минуту, он хватал жену за волосы и, повиснув на ней, начинал глухо бормотать:

— Вот тебе, вот тебе, все мое сердце ты истерзала!

— Пусти! — вопила Шппаник, давая мужу пинка в живот.

— Если тыпустишь, отпущу и я, — отвечал Татун.

Когда Шппаник спрашивали, за что она так безжалостно бьет мужа, которому должна по закону оказывать уважение, сваха отвечала:

— Да что же мне делать с ним? И день и ночь пьянствует. Все, что заработает, пропивает, копейки в дом не принесет. А у меня семья на шее и все расходы по дому.

¹⁵ Сахари — свадебная песня.

В городе Шппаник была заметным лицом. Ее все знали. Она с важным видом являлась в дома не только к знакомым, но и к незнакомым.

Она нужна каждому. Там сына надо женить, а нет невесты; здесь девушка на выданье — значит, ищи жениха; тут свадьба, там крестины, там поминки...

И Шппаник это прекрасно понимала, гордилась своей ролью, держалась независимо. Никого она не боялась, вела себя со всеми бесцеремонно и ни в чем никому не уступала.

Многие боялись ее, особенно матери взрослых девушек. Для них Шппаник была каким-то божком, который мог по желанию или возвысить, или осрамить любую семью и любую девушку.

Санам принесла Шппаник яичницу; хозяйка и гостя уселись завтракать.

— Ну, что пишет сынок? — спросила Шппаник, уплетая яичницу.

— Жив-здоров, скучает о нас.

— Когда же он, красавчик мой, приедет?

— Так ведь надо ему об этом написать.

— Что же не напишешь?

— Не о чем. Наш город точно весь высох, ни одной невесты! — И Санам устремила вопросительный взор на сваху.

— Не высох, — повела бровями Шппаник; проглотила последний кусок и утерлась. — Спасибо.

— На здоровье.

— Ну, а теперь прибирай, да садись, дело есть! — властно молвила сваха.

3

Откинув волосы, склонив голову набок, Шппаник усмехнулась прямо в лицо Санам.

— Отыскалась девушка.

— Что ты, Шппаник? Чья же это дочь? — радостно вскинув руками, воскликнула Санам.

— Неслыханная красавица, ханского рода, светлая жемчужина, нежная лань, а какая хозяйка!..

- Да кто же это, кто?
- Дочь бедных, но почтенных родителей. Э, да что тут говорить.
- Чтоб тебе лопнуть, Шппаник! Ты толком скажи, чья она дочь.
- Бюльбюль¹⁶.
- Пропади ты совсем пропадом! — Санам в нетерпении шлепнула сваху по плечу.
- Так сказать? — лукаво заметила Шппаник. — А что дашь?
- Что обещала.
- Да все та же. Дочь Гюльназ.
- Сусан?
- Она самая.
- Оставь свои шутки, мне не до того.
- Какие шутки: клянусь тебе твоим единственным сыном.
- Да ты в уме, Шппаник?
- Я-то в уме, а вот ты запуталась. Разузнала я толком, все вранье, вранье и клевета.
- Какая же клевета, коли весь город говорит?
- Чтоб ему провалиться, этому городу, недаром его бог трясет. Какую напраслину взвели на бедную девушку!
- Обрушься кров на ее врага!
- А кто этот враг?
- Сын горшечника, коротышка Сейран. Это он, ни дна ему ни покрышки, по всему городу разнес, что дочь Бархударя его невеста!
- Что же такого? Ведь их и в самом деле еще детьми обручили.
- Обручить-то обручили, а теперь не хотят выдавать за него Сусан.
- Почему же?
- А очень просто. Этот проклятый Сейран стал настоящим разбойником. Того гляди, либо сам кого-нибудь прикончит, либо его пришибут. Бархудар и Гюльназ еще с ума не сошли, чтоб за такого сорванца дочь выдать.

¹⁶ Бюльбюль — соловей.

Будь у меня семь плешивых дочерей — я бы волоска ему не дала! А ты что думала?

— Ох, не знаю и ничего понять не могу.

— Нечего тут и понимать. Яснее ясного. Ночью забрел он в духан и нализался до потери памяти. Полез в драку, его отдубасили на славу, теперь лежит дома, околевает.

— Бедные родители, жалко парня.

— Гм, гм... Расстрелять бы его, чтобы не смел позорить бедную девушку. И какую девушку! Светлее дня, чище ангела.

— Только почему же сын Айрапета позорит бархударову дочь? Сдается, тут какая-то загвоздка.

— Никакой загвоздки тут нет. Сейран думал так: коли я невинную девушку на весь город опозорю, никто ее не возьмет, и она достанется мне. Только не видать ему Сусан как своих ушей.

И Шппаник всплеснула руками.

— Как же нам быть, Шппаник? Так или этак, а дурная молва разошлась слишком далеко. По совести, и я не верю, чтобы дочь таких родителей могла себя обесчестить.

Ведь они с нее глаз не сводили, никуда не пускали ее, где же она могла встречаться с Сейраном? Уж коли на то пошло, скажу прямо: я хоть и отказалась от нее, но сердце меня не слушает — днем и ночью она передо мной. Где еще сыщешь такую статную, такую красивую, как она?

— Нигде, нигде! Она одна такая. Вот я и говорю тебе: не упускай!

И Шппаник подробно, по пальцам пересчитала шемахинских девушек; из слов ее выходило, что Сусан лучше всех.

Сапам понурила голову и задумалась. Сваха хитрыми глазами смотрела па нее; обе молчали. Наконец Санам подняла голову и сложила руки па груди.

— Нет, Шппаник, сколько ни думай, а все ничего не выйдет.

— Почему же? — притворно удивилась Шппаник.

— Сама знаешь: честное имя не склеишь, как посуду. Что ни говори, а Сусан в глазах всего города падшая. Если я теперь сосватаю сына, мне заплюют глаза. У меня много родных, знакомых — не убережешь меня от них этих кос, — указала Санам па свои волосы.

— А я думала, ты дело скажешь! Родня, знакомые, то да се, пятое, десятое... Ты уж эту тяжесть на меня навали, не бойся: я им рты по затыкаю. Ты меня знаешь, слава богу. Шемаха— котел, я — ложка: знай себе помешивай...

— Я, Шппаник, боюсь за наше честное имя...

— Не бойся, в этих делах я поседела. Ты только слушай и делай, что скажу.

— А Рустам? Ведь если он все узнает, он нас на куски разнесет.

— Как же, голубушка, он за тридевять земель узнает, что какой-то Сейран про его суженую болтает вздор? В городе, слышь, все говорят. Да кто говорит-то? Какие-нибудь Мараны, Тухик-Мухики да еще две-три бездельницы вроде них.

— Ну ладно, Шппаник, делай как знаешь, только помни: на страшном суде придется тебе отвечать.

— Пусть сорок тысяч чертей заберут душу Шппаник, если она хочет подвести тебя. Ну, а теперь поди-ка принеси варенья: хочу рот подсластить, чтобы скорее дело кончить.

— Не торопись, надо еще подумать.

— Нечего думать. Куй железо, пока горячо. Уж скажу тебе правду: я вчера и нынче была у Бархудары. Старик совсем не хочет выдавать дочку за твоего сынка. Молила я его долго, пока не согласился...

— Не много ли для них чести?

— Не серчай, Санам-ханум. Надо же и Бархудару немного поломаться. Успокойся, я все устроила. Теперь ты должна приготовить обручальное кольцо да вызвать сына. Пускай не медлит. Так и напиши ему: «Лицо в Шуре намылишь, а бриться будешь в Шемахе». Лучше всего, Санам-ханум, послать письмо по этой проклятой проволоке.

— Депешей?

— Вот, вот. Ведь эта чертова штука, говорят, через час и ответ приносит... Ну что же, неси варенья: надо глотку подсладить.

— Чтоб она у тебя засохла!

Санам вышла и тотчас вернулась с подносом; на нем красовались два блюда с вареньем и чарка водки.

— Поздравляю, милость божия с тобой. Пусть недруг твой ослепнет на оба глаза. — И Шппаник осушила чарку, а потом быстро проглотила несколько ложек варенья.

— Дай бог, чтобы все счастливо кончилось! — вздохнула Санам.

— Теперь прощай. Бегу к Гюльназ.

Шппаник накинула шаль и вышла.

4

Прошло недель пять. Был поздний осенний вечер. От проливных октябрьских дождей Шемаха зарылась в грязь и тонула в бесчисленных лужах. Густой холодный туман окутал город. Уже давно все спали; только по временам покрикивали ночные сторожа.

В одном из духанов собралась молодежь. Человек восемь парней за грязным столом «кейфовали», то есть хлестали водку и вино, закусывая шашлыком. Гвалт стоял невероятный. Один, приложив к щеке свою бухарскую папаху, тянул какую-то персидскую песню. Другой барабанил руками по столу и подсвистывал в тон певцу. Третий, с красными лицом и глазами, стоя, держал стакан и во весь голос орал кому-то здравицу, четвертый так громко спорил со своим соседом, словно тот находился от него по крайней мере за полверсты. Все заволакивал густой табачный дым, смешанный с чадом от шашлыка и винными парами. Толстобрюхий духанщик одобрительно слушал этот шум и гам. В грязном фартуке, он вращал в углу на вертеле шашлык и хрипло повторял: «Ой, ой, ой, и что за шашлычок!»

Один только юноша сидел неподвижно, упиравшись локтями в стол и охватив ладонями виски. В духане тускло поблескивала единственная лампочка на

потолке; желтоватый свет ее неясно падал на исхудалое лицо юноши. Он о чем-то думал и, казалось, не слышал невыносимого галдежа.

— Ну-ка, Енгибар, вылей этому нечестивцу на темя стакан вина! Чего он киснет? Весь наш кутеж испортил! — крикнул молодец с закрученными усами.

— Эх, Сейран, засияй подобно весенней розе! Будет хандрить, сейчас они покажутся, хвати-ка пока для храбрости. — И Енгибар приподнял за волосы голову Сейрана.

— Налейте ему самый большой стакан! Я тамада, я требую! — приказал молодой человек с закрученными усами.

Перед Сейраном тотчас же появилось несколько стаканов. Он посмотрел и отвернулся.

— Пей, говорю тебе, не то на голову вылью! — крикнул тамада.

— Не буду, меня тошнит.

— Пей, не отстану, пока не выпьешь!

Сейран залпом осушил стакан.

— Вот это дело, теперь поставь стакан вверх дном!

Еще один, не то разобью кувшин о твою голову.

Сейран опрокинул и второй стакан.

— Вот молодец, настоящий мужчина! Урра!

Но Сейран опять повесил голову. По его налитым кровью глазам, по дрожавшим губам и заплетавшемуся языку было видно, что он сильно захмелел.

Шум между тем становился все громче. Спор разгорался по малейшим пустякам. Тамада без усталости провозглашал здравицы, но его никто не слушал.

Внезапно в дверях показался парень с длинной палкой.

Рыжая мохнатая папаха нависла над его маленькими хитрыми глазками.

— Ребята, живей! — крикнул он задыхаясь.

— Уже вышли? — раздалось несколько голосов.

— Да, да, берите дубинки!

Все замолчали и переглядывались недоумевая.

Сейран мгновенно вскочил и бросился к выходу. Вошедший парень загородил ему дорогу.

— Стой!

— Прочь! — И Сейран обеими руками оттолкнул его.

— погоди, вместе выйдем, — не пускал парень, удерживая его сильной рукой.

Сейран окинул товарищей взглядом: никто не тронулся с места. Парень опять стукнул палкой и крикнул:

— Живо, не то доберутся до дому, и будет поздно!

Минута молчания. Наконец тамада вскочил, схватил свою дубинку, нахлобучил папаху и торжественно сказал:

— Ребята, держитесь молодцами! Горе тому, кто покажет спину! Такому я распорю брюхо вот этим самым... видали? — И он указал на свой кинжал. — Айда!

Поднялся невероятный, шум. Все похватили дубинки. Тамада выбежал из духана, пьяная ватага бросилась за ним.

5

Туман становился гуще. Тусклый свет уличных фонарей серебрил заставшие лужи.

Недалеко от «старой церкви» в конце улицы блеснули огни и послышались оглушительные звуки зурны и барабана. По улице двигалась шумная толпа. Выкрики, свист и рукоплескания заглушали музыку.

Это была свадебная процессия Сусан и Рустама. На невесте пестрая шелковая чадра; лицо закрыто густой сеткой, по местному обычаю. Слева от нее шел молодой человек среднего роста, одетый не то по-восточному, не то по-европейски. Новенький серый атласный архалук стянут золотым поясом, венгерка тонкого черного сукна, фуражка с широким околышем, узкие брюки и скрипучие башмаки. Широкая грудь, румяные щеки и непринужденная осанка говорили о здоровье и благополучии. Только толстый приплюснутый

нос, глубоко посаженные глаза и густые брови производили не совсем приятное впечатление. Лицо гладко выбрито, черные усики закручены.

Это и был Рустам.

Не будем говорить подробно, как совершилось обручение, а за ним свадьба.

Скажем только, что главную роль во всем играла сваха Шппаник.

Кое-как убедив Санам женить сына на дочери Бархудары, она пустила в ход всевозможные хитрости, чтобы как можно скорей кончить дело. Прежде всего она обошла всю родню Санам. Бархудар ее не просил ни о чем, но ей довольно было и малейшего намека, чтобы целых три недели метаться по городу и говорить без конца, пока дело не устроилось ко всеобщему удовольствию.

Шппаник помог и случай. В Шемаху приехал какой-то молодой купец. Неизвестно почему Шппаник вообразила, будто приезжий хочет жениться на одной из местных красавиц, и вот, недолго думая, она покрасила волосы хной, умылась казанским мылом, накинула новую шаль и явилась к молодому купцу.

За стаканом чая она разузнала, кто он такой, откуда, чем занимается и какие имеет средства. Оказалось, что купец из Гянджи, торгует шелком, имеет приличное состояние, но что он женат и обзаводиться второй женой не намерен.

Шппаник повесила нос и вышла от купца не солоно хлебавши. Однако она тут же отправилась к Санам и, притворяясь огорченной, объявила:

— Ну, голубушка моя, была я у купца. Денег у него куры не клюют, а красавчик такой, что я сама в него чуть не влюбилась. И поручил он мне найти ему красивую невесту: пятьдесят рубликов за это обещал. Как узнал он от меня про дочь Гюльназ, так и разинул рот: «Вот, вот, такую-то девушку мне и надо». Теперь у нас разговор будет короткий: если хочешь женить сына па Сусан, соглашайся; нет — я сейчас же сосватаю ее купцу.

Санам поверила и просила дать день сроку, чтобы обдумать. На другой день Шппаник опять явилась и узнала, что Санам согласна и уже отправила сыну телеграмму.

Вскоре Рустам приехал в Шемаху. И вот теперь справляется свадьба.

Рядом с Сусан шли: посаженный отец, один из товарищей Рустама по торговым делам, и Смбат, брат невесты. За ними — прочие гости; между ними па первом месте Гюльназ и Сусамбар, подруга Сусан.

Сусамбар не отходила от невесты, которая из-за густой вуали почти ничего не видела, и выполняла роль проводницы.

Процессия свернула на улицу, где находился дом Рустама. Зурна так и ревела, барабан гремел. Вдруг раздался крик, и в ту же минуту большой камень ударил факельщика по руке. Тот выронил факел.

Этот случай произвел замешательство в процессии. Женщины завыли, мужчины растерялись: в наступившей мгновенно темноте ничего нельзя было разобрать. Суматоха нарастала. Послышались угрозы и непристойная ругань.

— Факел зажечь! — громко и повелительно крикнул Рустам.

Стонущий факельщик валялся на земле. Кто-то зажег спичку. Желтоватый пламень тряпки, пропитанной нефтью, осветил новобрачных, Гюльназ, Сусамбар и Смбата.

— Куда вы, трусы, нечестивцы? — крикнул кто-то и разразился затем площадной бранью по адресу Рустама.

Факел осветил лицо озорника. Это был юноша, бледный, как труп, весь в грязи, с взлохмаченными волосами, с безумным взглядом. В правой руке — дубина, на левой намотана черкеска. Ноги ему не повиновались: он был пьян.

— Пустяки, пускай зурна играет, идем! — И Смбат вырвал у юноши дубинку, потом взял его под руку и отвел.

— Что случилось? Что за парень? Чего ему надо? — допытывался Рустам.

— Вздор, какой-то пьяница, — отвечали ему.

— Да, может быть, я его знаю?

— Проходимец, он у нас недавно.

— Кто это был? — шепотом спросила новобрачная у Сусамбар.

— Сейран.

— Сейран!.. — повторила Сусан и лишилась чувств.

— Очнись, Сусан, — воскликнула Гюльназ, обнимая дочь. — Она умирает, помогите!

Все окончательно растерялись. Зурна умолкла.

— Воды, воды! — кричал Рустам, подхватывая жену.

Знакомый нам духан еще не был закрыт. Смбат бросился туда за водой.

С лица Сусан сняли сетку. Через несколько минут она открыла глаза. Одно только слово слетело с ее побледневших губ, и она опять лишилась сознания.

Почти никто не разобрал это слово; слышали его только Гюльназ и Сусамбар.

Так им показалось сначала. Однако слово это расслышал и Рустам и так взглянул на обеих женщин, что они задрожали и понурили голову.

6

Убедившись в неудаче налета, Сейран вернулся в духан. Не найдя другого убежища, он выпросил у духанщика позволения переночевать.

Обессилев духом и телом, лежа в углу, Сейран углубился в размышления. Но думать связно он не мог. В усталой, отуманенной вином голове с трудом рождались мысли. Сцена, только что разыгравшаяся на улице при его деятельном участии, теперь представлялась Сейрану сном. Он даже не мог понять ясно, что случилось и почему ему опять приходится искать приюта в погребке. Позорная измена и бегство приятелей, площадная брань, которой он осыпал новобрачных, торжествующий Рустам и безропотно покорная Сусан — все это смешалось в мыслях униженного и оскорбленного юноши. Подавленный тяжестью воспоминаний, он, не шевелясь, лежал на полу, как один из пустых бурдюков, наваленных рядом в углу.

И вдруг дверь отворилась: вбежал Смбат, требуя воды. Сейран насилу поднял отяжелевшие веки. Когда его взгляд упал на Смбата, он вздрогнул точно от удара электрического тока. Он собрался с силами и встал. Бывшие друзья молча, выжидательно смотрели друг на друга.

— Э-э-эх, сукин ты... — начал Сейран и, не в силах говорить, опустил голову.

По лицу Смбата скользнула гримаса жалости и отвращения.

— Голову я тебе раздроблю...— опять забормотал Сейран, сжимая кулаки и собираясь броситься на Смбата, но не мог.

Смбат выжидательно смотрел на него. Сейран бормотал что-то невнятное и кончил грубым оскорблением. Смбат, разобрав его слова, багровый и дрожащий от гнева, оставил кувшин и приготовился к драке. Изумленный духанщик, тараша опухшие глаза, с недоумением посматривал на парней, пытаясь понять, в чем дело. Между тем Сейран, опираясь одной рукой о стул и сжав кулак другой, продолжал что-то бормотать.

— Стыдись, Сейран! До чего довела тебя глупость! — заговорил было Смбат, но, вспомнив о сестре, схватил кувшин и побежал к дверям.

Сейран, пошатываясь, двинулся вслед за ним и крикнул изо всей силы:

— погоди! Не надо мне...

Смбат остановился выжидая.

— Да, не надо мне этой грязной тряпки, этого объедка, отдайте ее собакам! — отчетливо молвил Сейран.

Намек был слишком ясен.

— Клянусь тебе, Сейран, святым обрядом венчания моей сестры, что задушу тебя, как собаку, если ты не уймешь свой грязный язык! — скрежеща зубами и кусая губы, ответил Смбат.

— Святым... святым... вот каким! — и, плюнув, Сейран указал на плевок.

Терпение Смбата лопнуло. Он кинулся на Сейрана и стал душить его.

Духанщик с криком бросился их разнимать. Сейран походил теперь на мышонка в лапах голодной кошки. Извиваясь, он обеими руками схватил Смбата за волосы и замер.

— Сейчас же слизни свой плевок! Не то я отправлю к чертям твою подлую душу! — кричал Смбат.

Но Сейран не мог вымолвить ни слова, язык его вылез изо рта, глаза, налившись кровью, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

— Вот наказание! Да брось ты, братец, этого беднягу. Еще и меня, пожалуй, впутаете в грязное дело! — кричал духанщик, вырывая Сейрана из рук противника.

— А ну тебя! Не хочу и рук о тебя марать. —И Смбат что было силы толкнул Сейрана.

Тот покатился мячиком. Даже не посмотрев на него, Смбат схватил кувшин и вышел.

7

К приходу Смбата Сусан привели в чувство. Опять заиграла зурна, и процессия в прежнем порядке двинулась дальше. Через четверть часа она была уже у дома Рустама и медленно прошла через двор. Навстречу вышла разодетая толпа гостей с Санам во главе.

Счастливая мать приветливо улыбалась. Ее бесцветные глаза теперь сверкали довольством. Действительно, радость ее не знала границ. Ведь исполнилась ее заветная мечта: любимый сын женился. Материнское сердце билось и замирало.

Не меньше ликовала и Шппаник, хотя и по другой причине. Сегодня она тщательно выкрасила хной и руки, и волосы. Когда процессия вошла в дом, Шппаник выбежала навстречу новобрачным, подмяла свои длинные руки и под звуки зурны пустилась в пляс.

— Благослови бог тебя, красавчик ты мой, и да будет Шппаник жертвой твоему стану, стройному, как чинара! — и сваха бросилась на шею Рустама, покрывая поцелуями его лицо. Потом, оставив новобрачного, она крикнула: — Кайтаги!¹⁷ — И, выхватив из-за пазухи тарелку, подняла ее вверх, продолжая танец. Санам высыпала на тарелку свахи горсть серебра. Гости следовали ее примеру, и тарелка быстро наполнилась медными, серебряными и бумажными деньгами. Музыканты с завистью следили, как все это исчезло в карманах свахи. А Шппаник показала зурначам шиш.

¹⁷ Кайтаги — название танца.

Довольная обильной добычей, она уступила место старой Санам, и та, раскачиваясь на пухлых ножках и развевая платье, тоже заплясала. Рустам вынул пятирублевку, смочил слюной и прилепил ко лбу матери. Исхудалая, дрожащая рука Сусан сунула свекрови вторую синюю бумажку. Каждый из гостей тянулся со своей лентой.

Все эти деньги Санам отдала зурначам и покинула круг. Одни из гостей держал поднос над головами новобрачных; все поочередно подходили и клали подарки: кто ассигнацию, кто золотой, кто цепную вещицу, кто отрез на платье.

Наконец зурна смолкла, гости сели за стол.

Сусан отвели на женскую половину. Рустам остался с мужчинами.

По шемахинскому обычаю новобрачная весь ужин должна стоять на ногах. На этот раз обычай нарушили. Свидетели уличного происшествия и обморока Сусан заставили ее сесть на мягкий шелковый тюфячок в углу. Рядом уселись Гюльназ и Сусамбар.

За ужином Сусан и Сусамбар все время шептались, хотя их и так никто не слушал: все были заняты едой.

— Как жаль мне его родителей, — говорила Сусамбар, — каково-то им теперь?

— Ох, и придется же мне отвечать на страшном суде за мои тяжкие грехи! — вздохнула Сусан.

— В чем же ты виновата?

— Ах, Сусамбар, во всем виновата я одна. Боже праведный, что мне делать?

— Не мучь себя, Сусан, и так от тебя только кожа да кости остались.

— Хоть бы сгнить им поскорей в земле, и я бы успокоилась и другим бы легче стало. Ты только, Сусамбар, посмотри, на что похожа моя мать. Сидит скрестив руки, как будто меня хоронят. Все веселятся, пьют, едят, а ее точно и нет с нами. Погубила я моих бедных родителей по глупости своей!

По изможденным щекам Сусан побежали слезы. Она задыхалась; казалось, смерть подступает к новобрачной. Никто не заметил этого, кроме Сусамбар.

Вдруг Сусан назвала ее по имени.

— Чего тебе, душка? — пригнулась та к ее уху.

— Хочу спросить тебя, только скажи правду.

— Когда же Сусамбар лгала тебе?

— Правда ли, будто бог без суда отдает души самоубийц дьяволу?

— Грешно, Сусан, говорить на свадьбе о таких вещах.

— Нет, Сусамбар, если ты меня любишь, скажи.

— Ей-богу, я поспорю с тобой.

— Заклинаю тебя твоим единственным братом.

— Ах, ну, конечно, так.

— Значит, самоубийцы идут прямо в ад?

— Да.

— Даже если за ними нет грехов?

— Как же нет? Самоубийство — самый тяжелый грех.

— Но почему же без суда? Скажи, если ты меня любишь?

— Потому что мы созданы по образу и подобию божию. Убивая себя, человек совершает тяжкий грех и попадает в ад. Лишая себя жизни, он говорит богу: я до того не люблю тебя, господи, что даже в образе твоём не хочу пребывать.

— Господи, прости и помилуй! — И Сусан со вздохом перекрестилась.

— А зачем тебе об этом знать?

— Да уж так...

— Ведь ты знаешь, самоубийц даже не хоронят по христианскому обряду. А как же не отпетый покойник предстанет на страшном суде?

— Буди милость твоя, господь, на нас! — задумчиво прошептала Сусан.

А в это время на мужской половине новобрачный боролся с мрачными мыслями:

«Что за люди напали на пашу процессию? Кто этот юноша, что так ругался? Сейран... Сейран... Почему Сусан произнесла это имя? Может быть, это один из ее друзей напился, повздорил с родными невесты и теперь хотел выместить на нас свою злобу? Нет, тут что-то нечисто. И если Рустаму ничего не хотят сказать, он сам обо всем разузнает, не то его сердце разорвется...»

Так раздумывал Рустам, суетливо потчужа гостей. По временам он испытующе поглядывал на них, как бы ища разгадки. Но он ничего не мог прочесть на лицах, кроме удовольствия от обильного ужина с вином.

С особым вниманием всматривался Рустам в Смбата, сидевшего понуро, с грустным видом. От взглядов новобрачного юноша упорно уклонялся. И подозрения Рустама росли с каждой минутой. Нет, он узнает непременно, в чем тут дело!

Пока Рустам терзался подобными мыслями, оживление за столом достигло крайних пределов. Начались здравицы. Тамадой избрали пятидесятилетнего сухонького человечка с густыми рыжими усами. Это был писец, много лет тянувший канцелярскую ляжку в казенных учреждениях. Если Шппаник на всю Шемаху славилась как лучшая сваха, то старый канцелярист считался наилучшим тамадой. Ни одна свадьба не обходилась без него. Его даже звали не по имени, а прямо «тамадой».

Прежде всего он поднял стакан за здоровье новобрачных.

— За царя и царицу!¹⁸ Уррра!

— Урра, урра! — подхватили гости.

По знаку тамады стаканы опять наполнились.

— За здоровье посаженного отца!

— Урра!

— А теперь, господа, выпьем чрезвычайный тост за всех присутствующих.

— Чрезвычайный, чрезвычайный, урра! — воскликнули все, осушая стаканы.

И опять тамада привстал, подбоченился и выпятил грудь. Все последовали его примеру.

— Господа, за! — начал тамада по-русски, отчеканивая слова.

— За! — повторил хор.

— Здоровье...

— Здоровье!

— Нашего...

¹⁸ Так называли новобрачных у армян в день свадьбы.

— Нашего!

— Смбата...

— Смбата!

— Бархударовича...

— Бархударовича!

— Выпьем!

— Выпьем!

— Гип-гип, урра!

— Урра!

Общее оживление подействовало и на музыкантов.

Струны тара под тонкими, густо окрашенными хной пальцами музыканта-перса выразительно передавали порывы и трепет восточной музыки. Любовные стихи бессмертного Гафиза так и лились из широкой груди ширазского певца. Бубен, изукрашенный мелкими колокольчиками, заливался в его руках.

Наконец ужин кончился, и опьяневшие гости, слегка покачиваясь, ударились в пляс. Не умевшие танцевать разбились на группы, беседовали и шутили. Все были веселы, кроме Смбата и Рустама.

Смбат, засев в отдаленном уголке, непрерывно курил, а Рустам метался по комнате, точно бодливый баран. Подозрения его все время росли. На всех он смотрел недружелюбно; его раздражали и Смбат, и гости; даже музыканты, казалось ему, нарочно играют какие-то неподходящие мотивы. И едва Рустам замечал, что два или три гостя в стороне беседуют шепотом, как беспокойство овладевало его сердцем. «Разумеется, это обо мне. Ах, кабы я знал, о чем они толкуют!» И он подкрадывался к собеседникам, оборачивался спиной и старался подслушать. Убедившись, что говорят не о нем, он так же тихо удалялся. «Должно быть, завидя меня, они переменили тему».

И вдруг он нечаянно услышал слова, пригвоздившие его к месту. Говорили двое юношей, еле державшиеся на ногах.

— Вот тебе слово, до сих пор, — уверял один, показывая на свое горло.

- Не верится что-то.
- Тобой клянусь, истинная правда.
- Зачем же она вышла за Рустама?
- Ребенок ты, что ли? А отец?
- Бедняжка! Видно, у нее теперь сердце не на месте.
- Ну да! Ты видел, как она в обморок упала?
- Видел. Я видел и парня. Мне только что-то не верится...
- Много ты понимаешь. Он молод, она тоже, гм...
- Не дай бог, если Рустам узнает...

Раздались звуки музыки, разговор оборвался.

Рустам побледнел, глаза его загорелись, губы посинели, он едва не упал.

— Что со мной? Надо быть мужчиной...— бормотал он, стараясь казаться равнодушным. Несколько минут он стоял неподвижно, кусая губы.

«А, впрочем, может быть, это только сплетня. Может быть, это враги невесты. Боже, пошли мне терпения хоть на три дня!»

И Рустам поспешил к гостям.

8

Настало утро четвертого дня. Бархудар и Гюльназ давно проснулись. Смбат все еще оставался в постели. Сегодня его долго не будили, хотя надо было отправляться в мастерскую.

Дымя трубкой, с которой он не разлучался, Бархудар ходил взад и вперед по комнате. Гюльназ сидела у окна. Беспокойство отражалось на их лицах. Бархудар вздыхал и то и дело посматривал на потолок. Гюльназ припадала лицом к железной решетке окна, точно высматривала кого-то. Подходил к окну по временам и Бархудар.

— Ну что, не видать? — спрашивал он шепотом у Гюльназ.

— Да потерпи ты, человек божий, зачем зря терзаться? — заговорила наконец Гюльназ. — Сам говоришь, что сомнений быть не может, а тревожишься. Ну, пусть ее не приходит, нам-то не все ли равно?

— Нам все равно, а людям рта не закроешь.

— Обрушья кров на того, кто выдумал этот проклятый обычай! Пяль теперь глаза да мучайся, а из-за чего?

Чтобы какая-нибудь бесхвостая Шппаник явилась с доброй вестью: ваша-де дочь невинна! Как будто мы не знаем, где росла наша голубка. Подумаешь, без Шппаник не обойтись, везде она свой нос сует. Стыд и срам! Царь небесный, в чьих руках судьба нашей родной деточки!

— Да будет тебе причитать, не зли ты меня. Посмотри-ка, не идет ли.

Гюльназ опять прильнула к окну.

— Ох, жена, чует мое сердце недоброе.

— Потерпи. У тебя уже и рассудок, и сердце помутились. Зачем дурно думать, человек божий, ведь придется за это отвечать на страшном суде.

— Смотри, смотри, Гюльназ!

Казалось, Бархудар сейчас с ума сойдет.

— Ой, идет! — вскочила Гюльназ.

— Ну и пусть! Добро или зло, честь или позор?

— Диль-диль-диль, — ай джан, ай шабаш! — завизжал в дверях голос Шппаник. — Подарочки готовьте!

Бархудар облегченно вздохнул. Приплясывая и подпевая, вошла Шппаник.

Лицо Бархудара просияло улыбкой, как будто солнце появилось на зимнем небе.

— Вот тебе подарочек, — воскликнула Гюльназ, накидывая на голову свахи новенькую дорогую шаль.

— Чиста как солнышко, невинна как ангел. Вот бери, это поздравляет Санам.

И Шппаник подала Гюльназ большое гранатовое яблоко, разукрашенное сусальным золотом и гвоздикой. Тайком сваха сунула счастливой матери белый лоскуток; взглянув на него, Гюльназ поспешила его спрятать.

— Шаль — это подарок жены, а вот ты чем обрадуешь меня? — беззастенчиво схватила Шппаник Бархудара за ворот.

Старик полез в карман, вытащил пятирублевку и с глубоким вздохом прилепил ее ко лбу Шппаник. Казалось, с его истомленной груди свалился тяжелый камень; светлая улыбка опять озарила исхудалое лицо.

— Видишь, Бархудар, говорила я, что наша детка невинна! — дрожа от радости, воскликнула Гюльназ.

— Полопайся глаза у горшечникова сына, пусть все наши враги по издыхают от зависти! — подхватила Шппаник.

Гюльназ ушла переодеться, вернулась и вместе со свахой поспешила к зятю.

Бархудар остался один. Он заглянул в соседнюю комнату и опять прикрыл дверь. Из рукава архалука он вытащил намыленную веревку и, сняв папаху, бросил веревку у ног. Посмотрев налево и направо, встал перед веревкой на колени, повернулся к востоку, сложил руки на груди, склонил голову на правое плечо и долго глядел на потолок. Он молился.

«Всемогущий боже, тысячу раз благодарю тебя, что всеблагое провидение твое избавило меня от преступления. Слава тебе, боже, слава тебе! Ты не допустил, чтобы моя грешная душа досталась дьяволу. Дитя мое невинно, но хотя я был уверен в этом, дьявол едва не ввел меня в искушение. Господи, помилуй и прости меня грешного».

Утирая слезы, Бархудар прошептал еще несколько молитвенных слов, надел папаху и поднялся. Веревку он швырнул в угол.

9

У новобрачных уже собрались гости. Тут были родственники и друзья Рустама, приглашенные Санам. Еще не было одиннадцати, а уже гости расположились за накрытым столом. Рустам все потчевал их. Сусан находилась в соседней комнате, где были женщины.

Туда прошли и Гюльназ, и Шппаник. Сусан, закрытая сеткой, сидела поодаль, рядом с Сусамбар. При входе Гюльназ та что-то шепнула новобрачной, и Сусан, оправляя платье, медленно привстала. Гюльназ подошла и жарко поцеловала дочь в лоб.

— Поздравляем, счастливой вам жизни, добро копить, деток родить! — в один голос воскликнули гости.

— Подарочков, подарочков, чтобы недруги ослепли! — подхватила Шппаник, верная своей неизменной роли.

Гюльназ прилепила ей на лоб ассигнацию; гости сделали то же.

Появился Рустам. Гюльназ и его поцеловала. Новобрачный смущенно потупился и почтительно приложился к руке тещи. Эта торжественная минута сопровождалась многозначительным молчанием. Нарушила его все та же Шппаник.

Но вот начался обед. Рустам удалился к мужчинам; теперь он был весел, не то что в свадебную ночь. «Ах, злоязычные, чего не придумают, чтобы опорочить невинных».

Больше всех радовалась Шппаник. Она считала себя героиней дня, ее совесть была спокойна; то и дело она с веселым видом шептала что-то на ухо Санам. По лицу последней можно было видеть, как она благодарна свахе. Гюльназ поглядывала на дочь с какой-то необычайной нежностью.

Сусамбар не уступала Шппаник в веселости. Она хохотала, била в ладоши и без конца остряла. Больше всего доставалось от нее свахе, а та никак не могла, по ее собственным словам, «заткнуть рот болтушке».

— Ведь Шппаник — это пономарь, что обманывает покойника, — говорила Сусамбар. — В раю или в аду будет покойник, ей на это наплевать, только бы заплатили за труд. Не правда ли, Шппаник?

— Кого я обмываю, тот в рай попадет, — ответила сваха.

— Ну еще бы, у тебя хватит смелости сказать, что и Сусамбар ты в рай отправила.

— В самую точку попала: муж знатный, красивый, богатый, дом — полная чаша, чего тебе еще?

— Муж-то богат, да одной вещицы купить не может.

— Какой же это?

— А вот этой, — и Сусамбар приложила руку к сердцу. — Этого кусочка муж у меня никак не может купить.

— Должно быть, дорого просишь?

— Не дорого, да муж-то больно скуп. Ничего я от него не вижу, кроме кислой рожи да брани. Все это очень дешево, Шппаник. А скольких ты послала в такой рай, признайся-ка?

Эти слова вызвали легкое замешательство у гостей. Все набросились на Сусамбар.

— Новые куры пошли, железные яйца несут, — откликнулся кто-то.

Неслыханное дело, чтобы жена при посторонних так нападала на мужа.

— А ведь училась читать; как же не показать учености? Чтоб тебе...

Это говорила племянница Санам, немолодая женщина.

— Я правду говорю, — не смущалась Сусамбар. — Все вы хороните страдание в груди, и оно гложет ваши сердца. И ты, кумушка, что меня грамотой попрекнула, — ты тоже «обмылась у Шппаник». Скажи-ка, часто ли тебя стегает твой Азраил? Не стесняйся, мне-то хорошо известно, что у тебя на спине синих рубцов больше, чем волос на голове.

— Я мужу как бы товар, я раба его, он мой хозяин и может делать со мной, что хочет, а тебе до этого дела нет. Если он и бьет меня, так любя...

— Оно, конечно, слов нет, что любя. А я плевать хотела на такую любовь, ежели со мной разговаривают не языком, а плетью. Нет уж, возьми себе такую любовь, кумушка милая! Ведь твой благоверный лошадь свою и так и этак холит, ласкает и в челку целует столько же раз в день, сколько раз по твоей спине пройдет плетью.

— Чтоб тебе с твоей учительницей-монашкой провалиться к черту на рога!

Неизвестно, чем бы кончился этот спор, если бы не вмешалась Шппаник.

— Ну, будет, придержите язычки. Не для того вас приглашали, чтобы портить людям радость. — И сваха, схватив бубен, затянула песню.

Сусамбар обратилась к Сусан:

— Пожалуй, они и про тебя скажут, что ты счастлива.

А не понимают, что только тело твое взял Рустам, а душой ты принадлежишь другому и от этого страдаешь.

— Не растравляй солью мою рану, Сусамбар!

— Я говорю потому, что тебе сочувствую. Ну, что делать: хочешь не хочешь, а приходится покоряться. С богом в спор не вступишь.

— Сказать тебе правду, Сусамбар? Я уже не страдаю, как прежде.

— Понимаю, привыкаешь.

— Не в этом дело. Моя песенка спета.

— О ком же ты говоришь?

— О родителях. Как только я их избавила от страданий, моя печаль точно испарилась. Посмотри, как радуется мать. Эта радость приносит мне покой. Ведь бедняжка целый год не улыбалась.

Сусан прослезилась, но тотчас, достав шелковый платок, вытерла лицо.

— Довольно, Сусан, твои слезы ранят мое сердце, как иглы. Слезами делу не поможешь, ты должна найти себе занятие.

— Сусамбар, у меня к тебе просьба.

— Приказывай.

— Навещай почаще наших, чтоб мать не тосковала.

— Хорошо.

— И об отце приноси весточки. У меня к тебе еще одна просьба, но я стесняюсь.

— Неужели ты меня стесняешься, Сусан?

— Хорошо, слушай. Когда я упала в обморок, ты помнишь, Смбат побежал за водой в духан. Там он встретился с Сейраном и побил его. Смбат сам вчера рассказывал мне об этом. Сусамбар, если ты меня любишь, сегодня же походи и разузнай, как здоровье Сейрана. Повидайся с ним потихоньку, передай от меня поклон и скажи, что я для него все та же прежняя Сусан. Попроси простить меня за горе, причиненное ему. Поняла? Это моя последняя просьба.

Сусан говорила все это медленно, внушительным шепотом, вздыхая. С виду она казалась спокойной, и только в глазах светилась безысходная тоска. Гости ничего не замечали: их занимал обед.

— Вот все, что я хотела сказать тебе, Сусамбар, — продолжала Сусан. — Молю тебя исполнить мою просьбу.

А теперь принеси мне какую-нибудь еду, чтобы мать увидела, что я кушаю. Но вот обед кончился. Гости еще раз поздравили молодых, пожелали им благополучия и разошлись.

Медовый месяц прошел. Рустам опять уехал в Темир-Хан-Шуру по своим торговым делам.

10

Наступила зима. Северный ветер, налетая порывами, заносил снегом кровлю, окна и двери Айрапета. Вечерело. Мариам-баджи у очага перебирала рис: Айрапет, уходя на базар, велел ей приготовить пилав. Уже давно стемнело, но Мариам-баджи, не зажигая огня, торопилась закончить переборку риса. Она была одна. Ветром заносило в дверную щель и сыпало на пол снежинки; по временам казалось, что двери вот-вот сорвутся с петель.

Сильно изменилась Мариам-баджи за последние месяцы. Старость одолевала ее. Тощие руки совсем иссохли, все лицо в морщинах. Вот уже год, как она перестала красить волосы: у самых корней они побелели, а концы оставались красноватыми. От этого ее лицо выглядело еще мрачней. Она неотступно думала о сыне, и сердце ее сжималось.

«Сегодня шесть недель, как сынок отправился на чужбину, — вздыхала про себя Мариам-баджи. — И где-то он теперь? Ни я, ни Айрапет и никто другой об этом не знает. Ах, Сейран, Сейран, у других матерей тоже дети на чужбине, а разве им приходится так страдать, как мне? Царь небесный, мои дни на исходе, и солнце мое зашло, пожалей меня! А, впрочем, да будет воля твоя».

И Мариам-баджи, подняв глаза, перекрестилась. Затем, отодвинув блюдо с рисом, сложила руки и опустила голову. Через минуту снова подняла голову, пододвинула блюдо, но опять задумалась.

«Лист с дерева и волос с головы не упадет без твоего веления, о господи. Ко всем ты милостив и благ, за какие же грехи ты меня караешь? Зачем ты отнял у меня сына, забросил его в чужой край? Где-то он теперь, что делает? Говорил он мне, что вместе с каким-то парнем собирается в Кубу, закупить там лезгинских шалей и торговать ими здесь. А на какие деньги? Айрапет ничего не дал ему. Хоть бы только узнать, где он теперь. Сам он говорил, что в Кубу едет, а теперь одни говорят, что он в Шуре, другие — что в Дербенте, третьи — в Петровске — и бог знает еще где. С Айрапетом много не поговоришь: он при имени Сейрана из себя выходит. Да будет проклят тот, кто толкнул на погибельный путь моего бедного сына!»

Пока Сейран оставался в Шемахе и был на глазах у матери, она никого не винила в своей несчастной доле. Она винила только сына. Теперь же, когда Сейран на чужбине, она уже ничем не попрекала его. Мариам-баджи была вполне уверена, что в сыновних невзгодах повинны только недруги, только они.

— О Бархудар, — и старуха ударила себя в грудь, — в час вечерней молитвы я умоляю бога воздать тебе по делам твоим! Пусть жена твоя переживает все то, что пережила, и я! Пусть земля на пути твоём превратится в тернии. Пусть вопли и стоны твои никогда не дойдут до неба! Это ты, старый злодей, погубил моего бедного сынка. Теперь ты счастливый тесть, жена твоя пляшет от радости, дочь вся в золоте и шелках; одна рука у нее в масле, другая в меду. Не сегодня-завтра ощенится, и тогда вы все заживете на славу.

И Мариам-баджи опять задумалась. Стужа на дворе крепчала, стекла дрожали от ветра, дверь внезапно распахнулась и опять захлопнулась: в комнату клубом ворвался снег.

«Гнев божий обрушился на нас! И куда это старик провалился? Не в церковь ли зашел? Бессердечный, черствый человек, хоть бы ты за сына помолился!» Мариам-баджи немного помолчала.

«Вчера вечером была Сусамбар. Хорошая она женщина: и сама поплакала и меня старалась успокоить. А вот про Сейрана ничего не могла сказать. Вдруг

он и на самом деле в Шуре? Ведь и этот окаянный Рустам туда поехал. Сейран у меня вспыльчивый, а Рустам — дитя дьявола: не дай бог, встретятся они!»
Наконец Мариам-баджи разделалась с рисом; но не успела она подняться, как дверь растворилась и впустила высокую женщину, окутанную чадрой.

— Бог милости прислал!

Мариам-баджи взглянула и от удивления присела: перед ней была Гюльназ.

— Бог милости прислал, — повторила гостя, сняла чадру и отряхнула с нее снег.

Удивленным взглядом ответила хозяйка и неприветливо сказала:

— Да откажет бог в милости твоим родителям! —

И, опять подвинув к себе блюдо с рисом, пробормотала: — Какой ветер занес сюда эту бесстыжую?

— Не удивляйся, Мариам-баджи, твоя сестра пришла навестить тебя, — продолжала Гюльназ, не смущаясь ее грубостью, и, отбросив чадру, уселась у очага.

— Пусть сгинут все, у кого есть сестра, а у меня ее нет, — отвернулась Мариам-баджи.

— Не сердись, встань, дай огня и позволь на тебя взглянуть. Ведь я по тебе соскучилась.

— Лучше не трогай меня и уходи. Я, как сова, люблю темноту. Свет не согреет моей холодной души. Пусть зажигают светильники те, у кого светло на сердце.

— Именем Сейрана заклинаю тебя, Мариам-баджи, не обижай меня. Узнай сначала, счастлива ли я.

— Не знаю, чего тебе не хватает: соли или сита? Зачем ты нагрянула ко мне, ума не приложу? И как это ты удосужилась вспомнить обо мне через год?

— Ни соли, ни сита мне не надо, а не хватает твоей дружбы, — ответила ласково Гюльназ. — Одному богу известно, во что обошелся мне этот несчастный год. Да что говорить: без тебя мне кусок в рот не идет, заснуть не могу. И день и ночь только охаю да вздыхаю.

— Нельзя ли покороче.

— Вот и я пришла к тебе, Мариам-баджи, с мольбой: прокляни черта, а со мной помирись.

— Так вот и брошусь к тебе на шею!

— Знаю, ты сердита на меня, но...

— Оставь, ради бога, оставь. Нечего тебе добиваться дружбы Мариам-баджи. Отправляйся лучше к дочери и живи себе счастливо. Какое тебе дело до нас — мы люди, богом отверженные.

— Врагу не пожелаю счастья моей дочери. Она, бедняжка, с каждым днем тает, как свеча, и я боюсь, что скоро она уйдет от нас.

— Не беспокойся, дочь твоя еще долго проживет, как клоп, прилипший к стене, — горько усмехнулась Мариам-баджи. — Дочка, должно быть, тоскует без мужа. Напиши ему письмо, пусть приедет, авось развеселит.

— Довольно, Мариам-баджи, не терзай моего больного сердца, ведь ты это говоришь потому, что сама исстрадалась, а ты попробуй стать на мое место.

Эти слова Гюльназ сказала таким жалобным голосом и так тяжело при этом вздохнула, что в сердце Мариам-баджи шевельнулось сожаление.

Она зажгла свечу.

Тусклый свет упал на исхудалое лицо Гюльназ, на бледные щеки, на синие губы и отразился в глубине впалых глаз. Мариам-баджи молча взяла блюдо и прошла на кухню. Затем вернулась и села.

— Вот уж три дня меня мучит моя Сусан: все умоляет, чтобы я навестила тебя. Мне стыдно было перед тобой, Мариам-баджи, у меня не хватало сил прийти к тебе. А Сусан свое твердит: «Пусть простит меня Мариам-баджи за все, что я сделала ей дурного. Не знаю, с каким лицом мне придется предстать перед богом». Слышишь, Мариам-баджи, мое бедное дитя уже помышляет о загробном мире, какое же тут может быть счастье?

— Моему наболевшему сердцу только этого не доставало! Ты рассказывай все это тому, у кого сердце заплыло жиром. И что я могу сделать для твоей дочери?

— Мариам-баджи, ты можешь много сделать для моей голубки. Как только она увидит твою приветливую улыбку, как роза расцветет. Вот уж три дня, как она только о тебе и говорит.

— Что ты хочешь сказать?

— Чтобы ты прокляла черта, надела чадру и вместе со мной...

— Побегать к ней на поклон? Ну как же, вот так и побегу сию минуту. И как тебе не совестно?

— Ради всего святого, ради твоего Сейрана не откажи моей бедняжке, не убивай ее.

— Это еще что за вздор? Не душегуб же я, чтобы убивать твою дочь?

— Именем бога, пойдем сейчас же.

— Оставь ты меня, оставь ради господней утрени!

— Господи боже, ниспошли на меня твою милость! — с умоляющим видом воскликнула Гюльназ.

Дверь опять распахнулась, и, весь в снегу, вошел Айрапет.

— Добрый вечер, — раздался его зычный голос. Не замечая гостыи, он снял папаху, отряхивая снег.

Гюльназ закуталась в шаль; привстала и почтительно поклонилась. Встала и Мариам-баджи.

Айрапет, прищурясь, всматривался в гостью.

— Здравствуй, добрая соседка, свет очам, что тебя видят, — ответил он дружески, точно ничего не случилось.

Гюльназ с благодарностью кивнула.

— Ну, садись, поговорим. Слава всевышнему!

Вчерашнему дню не сравняться с нынешним. Как же это ты вспомнила о нас, Гюльназ-ханум?

— Мы вас никогда не забывали, — шепотом ответила Гюльназ, опять прикрываясь шалью и садясь к очагу по приглашению хозяина.

— Вот как, говоришь— не забывали? — Айрапет достал кисет и трубку. — Слава всевышнему! Эх, Гюльназ джан, дни нашей дружбы утекли, как вода! Вспомнишь — и сердце защежит.

— А ты не печалься, она пришла вернуть дни нашей дружбы. Только нет: былого не вернешь, а из осколков цельного стекла не сделаешь, — вмешалась Мариам-баджи.

— Верно ты сказала, Мариам, а все как-то легче на душе, как повидаешься со старым другом. И что я могу сделать? Ведь недаром говорили в старину: «Один сын у отца, да и тот беспутный», — и себя сгубил Сейран, и нас с вами рассорил.

— Совсем не виноват мой сынок, а тому, кто сгубил его, лучше бы сгинуть.

— Не твое дело, Мариам, прикуси язычок. Довольно тебе сбивать меня с толку! — прикрикнул Айрапет.

— Мариам-баджи правду сказала, — вступилась Гюльназ, — Сейран не виноват, виноваты мы. Ну да что тут вспоминать, простите нас.

— Ни на вас, ни на нас нет вины. Все вышло так, как было угодно богу. Теперь делу конец. Пусть же твоя Сусан цветет, как весенняя роза.

— Спасибо, дай бог, чтобы и Сейран женился... а завтра я с Мариам-баджи отправлюсь к дочке.

— Ну что же, если хочешь, и я пойду.

— Ах, ты, бессовестный человек! — воскликнула гневно Мариам-баджи.

— Не смущай ты меня, говорю тебе, жена, а не то... отвяжись, сатанинское отродье. А ты, Гюльназ-джан, поклонись от меня Бархудару и скажи, что я по-прежнему считаю его своим другом.

— Клянусь моим Смбатом, муж тоже все время о вас думает. Истосковался и совсем зачах.

— Верю, верю, я Бархудару знаю хорошо, у него сердце доброе. Слышишь, Мариам, не я ли говорил тебе, что он человек хороший, а ты все: нет да нет. Айрапет совсем ожил.

— Так ты, Гюльназ-джан, скажи Бархудару, чтобы завтра же пожаловал к нам. Надо искупить старые грехи.

— Боже, зачем ты выветрил его умишко? — закатила глаза Мариам-баджи.

— Змея, сушая змея подколотная! Заткни свою глотку, а то как собаку придушу!

— Хоть зарежь, а молчать не буду.

— Язык я у тебя с корнем вырву!

— Рви, но пока он у меня во рту, я не замолчу. Если не я, так кто же за меня скажет? Кров мой обрушили, сына угнали, довели нас до края погибели, — и вот теперь приходит она и льстит; что же, по-твоему, мне молчать? Нет, мне таких друзей не надо. Поди, поди, валяйся у Бархудара в ногах, ползай перед ним, благо тебя за рюмку водки купить можно. А я — будь что будет, — я к ним и лица не поверну, хоть вешайте меня!

Оскорбительные колкости Мариам-баджи совсем взбесили Айрапета. Побледнев, он заскрежетал зубами, вскочил и со сжатыми кулаками хотел броситься на жену, но тут неожиданно дверь под порывом ветра распахнулась, в комнату полетели снежные хлопья, и свеча погасла. Обе женщины вскрикнули. Айрапет застыл на месте.

— Чтоб тебе! — проворчала Мариам-баджи, закрыла дверь и затеплила свечу.

— Это бог на тебя прогневался за твой злобный язык, — молвил Айрапет.

— Бога ради не обижайся, — начала уговаривать его Гюльназ. — Что поделаешь — у бедняжки вся душа изболела; вот выскажет все и успокоится.

— Вон отсюда, знать я тебя не хочу! — крикнула Мариам-баджи и выбежала из комнаты.

— Вот уж точно дьявольское отродье! — напутствовал ее Айрапет и сел опять. Гюльназ взялась за чадру.

— Не обижайся, Гюльназ-джан, а я жену приструню так, что она и пикнуть не посмеет. И непременно скажи Бархудару, что я ему верный друг.

— Спасибо. Только ты не трогай Мариам-баджи: уж очень ее жалко, исстрадалась она. А если можно, уговори ее пойти со мной к Сусан.

— Непременно, будь покойна!

Сделав несколько глубоких поклонов, Гюльназ вышла. Айрапет закурил и стал расхаживать по комнате.

11

Начинался февраль — самый холодный месяц в Темир-Хаи-Шуре. Смеркалось. Снежные вихри с высот северного Дагестана бешено кружились в непроглядной тьме.

На восточной половине города приютился грязный караван-сарай; здесь в одной из комнаток сидел юноша. Жестяная лампа на сыром полу слабо освещала узенькую дверь и оконце. Кроме лампы, здесь не было другого источника тепла, и юноша с ног до головы закутался в бурку. Через закопченное стекло лампы пробивался тусклый свет; на молодом лице можно было различить отпечаток тяжких страданий и беспросветной тоски.

Это был Сейран.

Зачем он приехал в Шуру, с какой целью?

Бедный юноша перебирал события своей неудачной жизни, вспоминал испытания, выпавшие на его долю.

«Ах, Сусан, жестокая Сусан, как ты меня одурачила. Только нет, погоди, не долго этому продолжаться...» — и он, потирая лоб, помолчал.

«Живи, живи богато! Ты гордишься своей долей, да? Гордись, но знай: что бы ни случилось, душа твоя в моей власти. Стоит мне захотеть, я завтра же, даже нынче ночью изменю всю твою судьбу. Ты отравила жизнь моим родителям, отняла у них единственного сына, а меня заставила скитаться. И все это для того, чтобы ты могла спокойно сидеть дома. Ты хотела сберечь отцовскую честь, но разве я лишен чести, неужели ты думаешь, что я до того опустился, что не в силах отстоять ее? Или ты забыла свои клятвы, готовность пожертвовать собой ради меня? Конечно, тебя соблазнило богатство Рустама: пышный дом, золото, серебро, парча и бархат. Только не думай, что я ничего не понимаю и что Сейрана можно оставить в дураках. Ты избавилась от

сплетен, загрязнив мое имя. Боже мой, боже мой, неужели я так опустился, что не в силах оправиться?»

И Сейран уставился пристально в потолок, на сгнившие и почерневшие бревна. Он думал о своем позоре, о том, как товарищи часто говорили ему в Шемахе: «Трус ты, забыл ты о чести, ты позволил у себя из-под носа забрать невесту и отдать другому».

«Даже эмир издевался над тобой и посмеивался. Эх, Сейран, Сейран пусть провалится сквозь землю твоя папаха. Что за жизнь у тебя? Родители знать не хотят, товарищи не признают... Бедная твоя мать. Она, должно быть, думает, что ее сын занялся торговлей...»

Сейран поднялся, подошел к окну и стал смотреть во двор. Вьюга по-прежнему бушевала. Сквозь обледенелые стекла ничего нельзя было разглядеть.

«Вчера я встретил на базаре твоего мужа Рустама. Кровь ударила мне в голову; хотелось подойти и всадить ему кинжал в брюхо. О, если бы окрасить белый снег его кровью, — мне стало бы легче. Но я этого не сделал. Не подумай, что струсил. Ты, Сусан, виновата больше него. Коли мстить, так нужно с вами обоими расправиться сразу: одной его кровью мне жажды мести не утолить. Я знаю, что твои родители послали Шппаник повсюду разнести сплетню, будто сын горшечника врет, будто Сусан никогда с ним не была обручена. Но, во-первых, я, Сусан, никому о тебе дурно не говорил, во-вторых, неужели шемахинцы говорят о нас неправду? Ведь ты была моей невестой с детства. Разве мы с тобой не встречались, не разговаривали? Так зачем же ты теперь, избавясь от невзгод, живя припеваючи, меня же выставляешь лжецом?»

Сейран сел, стискивая голову руками, потом опять вскочил и быстро зашагал по комнате.

«Кровь ударяет в голову и в глазах темнеет, едва подумаю, что теперь говорят обо мне товарищи. Нет, я непременно должен отомстить. Иначе какой же я мужчина? Решено! Но только каким способом?»

И Сейран опять начал пристально смотреть в окно. Потом отвернулся и уставился на тусклый огонек лампы.

«Но как мне доказать, что я... отойди от меня, сатана! — и, ударя себя по лбу, он остановился глазами на рукоятке кинжала, висевшего у него на поясе.— Как доказать, что Сусан была со мной в связи?»

И он опустил голову, с усилием вдыхая морозный воздух. С плеч его как будто свалилась гора. Шагнув в угол, он отыскал там что-то и быстро сунул в карман. Недобрая улыбка скользнула по лицу, губы дрогнули, морщины на лбу разошлись, и в зрачках блеснул зловещий огонек.

Ветер завывал с невероятным ожесточением: вот-вот и дверь, и окно сорвутся с петель.

«Сейчас же, нечего медлить... Если вздумаю откладывать, опять остыну. Да, да, да, ты думаешь, если ушла, так избавилась от меня? Посмотрим!»

Нахлобучив на глаза папаху, осмотрев кинжал и ощупав карман, юноша направился к двери.

«Пусть же все узнают, что я не могу снести бесчестья. Лавку его я знаю: ему я неизвестен, и он меня, наверное, примет, а там и угостит. Хвачу вина или водки — он их тоже продает, — расплачусь за все, а там... ха-ха-ха!..»

Сейран перешел двор и скрылся в уличной темноте.

12

Караван-сарай находился на широкой площади. Около четверти версты было отсюда до конца длинной улицы, где стояла лавка. Здесь торговал Рустам. Уже несколько лет отпускал он местным обывателям мануфактуру, бакалею и гастрономию.

Когда Сейран подошел к лавке, один из растворов лавки был полуоткрыт. Здесь в отделении спиртных напитков Рустам ужинал со своими земляками. На главном месте восседал сам хозяин. По бокам— его товарищи: один — молодой, с бородкой, одет по-лезгински, второй — средних лет, в шемахинском костюме. Два других гостя недавно прибыли из Шемахи.

Первому, крепко сложенному мужчине, на вид было лет тридцать, второй, в причудливой одежде, выглядел еще юношей.

Нынешний ужин был обильнее обыкновенного — ведь хозяин потчевал земляков. По их лицам заметно было, что они уже успели выпить. Шла оживленная беседа. Рустам, как всегда, говорил мало, а больше задавал вопросы.

— Говорят, сын горшечника Айрапета Сейран тоже прибыл в Шуру, правда?
— спросил юноша.

— Вчера я его видел на лезгинском базаре, он покупал кинжал, — отозвался один из гостей.

При имени Сейрана Рустам поморщился.

— Мне бы хотелось повидаться с ним, — продолжал юноша.

— А что за дело у тебя к нему? — спросил одетый лезгином, незаметно поглядывая на хозяина.

— Мать его просила передать ему кое-что.

— Завтра же можешь увидеть его на базаре. Он там каждый день бывает.

— А чем он занят?

— Не знаю. Я его спросил об этом, а он нахмурился и отошел.

— Говорят, он приехал шали покупать.

— А на какие шиши?

— Должно быть, отец дал.

— Отцу о нем и заикнуться нельзя, ни о каких деньгах и речи быть не может,

— вмешался юноша. — Я ведь его перед отъездом встретил, говорю: «Что передать Сейрану, если мы с ним встретимся?» А он покосился на меня и говорит: «Пускай к черту убирается, имени его слышать не могу».

— Да, пропадет бедняга.

Рустам опустил голову на руки. Один из собеседников обратился к остальным:

— Есть нам, когда о Сейране думать. Рустам-джан, за твое здоровье, — и он приподнял стакан.

— За твое здоровье! — подхватили все.

Кто-то дважды постучал в дверь.

— Кто там? — спросил Рустам.

— Божий гость.

Дверь отворилась, и Рустам очутился лицом к лицу с непримиримым врагом своим, Сейраном, не зная, кто перед ним.

На первых порах Сейран смутился, но тотчас овладел собой.

— Кто ты такой? — спросил Рустам незваного гостя.

— Странник, — ответил Сейран, оглядывая собравшихся.

— Странникам мои двери открыты, — дружелюбно сказал хозяин, впустил Сейрана и закрыл дверь.

— А, Сейран, какими судьбами? — воскликнул гость в лезгинском костюме.

— Сейран? — повторил Рустам, впиваясь глазами в юношу.

— Что ты, Рустам, неужели не узнал? Это сын темахинского горшечника Айрапета, приглашай его за стол.

Но Рустам стоял неподвижно, переводя взор с одного гостя на другого.

Между тем Сейран сбросил обледенелую бурку, смело прошел к столу и сел, не дожидаясь приглашения Рустама. Приезжий юноша подал ему руку.

— Я только что из Шемахи. Мать твоя кланяется и просит передать...

— Спасибо, — перебил Сейран небрежно и отвернулся; шемахинец вынужден был замолчать.

Наконец-то Рустам очнулся и занял свое место.

— А ну-ка, Амбарцум, еще винца; Сейран, должно быть, замерз, согреем его, — заговорил лезгин.

— Да, винца я не прочь, мне очень пить хочется. — И Сейран отбросил в сторону лохматую намокшую папаху.

Приказчик Амбарцум, маленький и проворный, тотчас поставил на стол еще пару бутылок.

— Согрей нутро, тогда и лицо твое повеселеет.

Казалось, Сейран только этого и ждал. Он без передышки осушил два стакана.

Хозяин глаз с него не сводил. Удивленно посматривали на гостя остальные.

Бородач заметил это и поднялся.

— Кто не знал Сейрана, теперь узнает. Это сын нашего горшечника Айрапета. Парень на все руки. Года два назад, Рустам, я с ним встретился в Шемахе, мы вместе пировали.

Рустам опять взглянул на Сейрана и не проронил ни слова. А тот, не глядя ни на кого, выпил еще два стакана один за другим.

— Молодец! Вот это по-нашему! — воскликнул бородатый лезгин. И он предложил тут же выпить за здоровье Сейрана.

Общая веселость возрастала. Все пили не переставая. И только один хозяин с момента появления Сейрана молчал, не ел и не пил.

— Дядю Айрапета я знаю, как же: он и мой отец друзьями были, — рассказывал юноша, — бывало, на пасху или на крещение всегда придет поздравить. А ну-ка еще раз хватим за Сейрана!

— Только он должен пить по два стакана сразу, чтобы сравняться с нами, — подхватил бородач.

Этот тост приняли все, кроме Рустама. А Сейран в благодарность за внимание осушил на этот раз целых три стакана.

Через четверть часа все уже были пьяны. Бородач нескладно тянул персидскую песню. Гости шумели, спорили, кричали; и только Рустам хранил молчание.

Молчал и Сейран, но в голове у него шумело, в зрачках поблескивали искры.

Опираясь локтями о стол, сжимая себе голову, мрачный Рустам неподвижно сидел и думал:

«Да, это он. Чует мое сердце недоброе. Но что может случиться? Ведь все, о чем шептались в Шемахе, оказалось брехней. Гм. Однако не зря намекал на днях Гямазанц Мурат, что Сейран-де в Шуре, что голодный пес взбеситься может: берегись. Этот Сейран был первым женихом моей жены. Об этом я узнал на прошлой неделе. Потом ее родители решили выдать дочь за меня. Уж таков обычай в Шехане: просватают за одного, а выдают за другого. Дело самое обычное. И все же у меня недоброе предчувствие. Почему он пожаловал

ко мне в полночь? Ведь мы не родственники, не знакомые. Ничего не понимаю! Пришел себе, расселся и пьет, точно мы десятки лет в дружбе. Какая мерзость! Уж не взять ли его за ворот и вышвырнуть? Вот полюбуйтесь, как он исподлобья уставился на меня. Ох, и ловок же пить! И почему это гости так подозрительно смотрят на меня и на него? Подожду еще, наверно, скоро узнаю, зачем он ко мне явился».

Бородач внезапно засуетился.

— Ну, братцы, уже поздно, пора по домам. Выпьем еще за нашего друга Рустама, поблагодарим — и айда.

Все налили стаканы и поднялись, один Сейран не двигался.

— Будем же единодушно просить господа бога, чтобы он даровал Рустаму здорового, резвого мальчика! — торжественно произнес один из гостей.

— Аминь, аминь!

Сейран молчал; сосед подтолкнул его.

— Вставай.

Сейран лениво встал.

Ему налили еще.

— Пей же за Рустама да пожелай, чтобы господь послал ему хорошего сынка,

— напомнил лезгин, поднимая стакан. — Живей, что же ты киснешь, как баба?

Сейран взялся за стакан, обвел всех взглядом, выпрямился и, держась за рукоять кинжала, сказал:

— По твоему приказу, ага тамада, желаю господину Рустаму долголетия, здравия, богатства, всяких земных благ и как можно больше друзей, как вы, и гостей, как я... Урра!

— Урра! — подхватили шемахинцы.

— Вот молодец, умеешь ты, дружок, держать речь! восхитился бородач.

Рустам не спускал глаз с Сейрана. Тот продолжал:

— Ага тамада, как ты приказал, и я прошу господа бога одарить Рустама резвым мальчиком, и пусть сын его будет таким же, как он, умным, трудолюбивым и... храбрым...

— Аминь, аминь, давай бог!

— Так и жарит, точно проповедник, — заметил кто-то

— Не зря он у Сарксиса учился, — пояснил бородач. — Не скажешь ли еще чего, Сейран?

Юноша прикусил губу и крепче сжал рукоять кинжала.

Рустам так и впился в него взглядом.

— Й дай бог, чтобы сын походил на отца глазами и чертами лица, потому что...

— Что?! — нетерпеливо крикнул бородач.

— Что?! — повторил бессознательно Рустам.

— Потому что... потому что...

— Потому что у тебя в голове шумит! — крикнул кто-то из гостей.

— Дайте же ему кончить!

— Потому что я знаю... потому что сын Рустама... я это, наверное, знаю...

— А ты покорооче! — опять крикнул бородач.

— Потому что будет ли у Рустама сын или дочь — это только богу известно...

— Да что он так долго тянет!

— Одним словом, кто там ни родись, он будет похож не на Рустама, о нет, а на сына горшечника Айрапета! На Сейрана, на меня!

Отчеканив это, Сейран наполнил стакан и так хватил им об пол, что всех забрызгало вином.

Гости остолбенели. Рустам стал белее полотна. Слов Сейрана никто не мог сразу понять.

— А зачем ты стакан разбил? — спросил его юноша.

— Стакан? Я разбил его в честь того, кого вы так превозносите, и кто им владел.

Рустам шагнул было к Сейрану, но остановился, протянул руку и молвил, задыхаясь:

— Господин Сейран, я тебя не знаю, вижу тебя в первый раз. Зачем ты сюда пришел и бесчестишь меня?

— Бесчестный человек заслуживает бесчестья. Я пришел, чтобы твои гости знали, кто ты таков. Нечестивец, ведь я тебе толком сказал, неужели ты не понимаешь? Впрочем, я могу сказать яснее...

— Сейран, оставь свои глупости, вино тебе в голову бросилось, — ввязался юноша.

— Не твое дело, отстань! Хотя я и пьян, но знаю, что говорю!

— Вон отсюда, не то!.. — закричал Рустам; от его голоса все невольно вздрогнули.

— Пусть исчезнет тот, чья честь растоптана. Рустам, протри глаза: я тот самый Сейран, что скоро станет отцом ребенка твоей жены. Обуздай сначала свою потаскушку жену, а потом со мной говори!

Разъяренный Рустам сорвал со стены длинный кинжал и бросился на Сейрана. Шум и замешательство. Молодой шемахинец встал между Рустамом и Сейраном.

— Оставь, дай мне искрошить этого щенка! — орал Рустам, вырываясь из рук приятеля.

— У женщины должен быть один муж, так пускай один из нас останется в живых! — крикнул Сейран и тоже обнажил кинжал.

Но тут шемахинцы крепко обхватили его.

— Пустите меня, говорят вам! — ревел Рустам.

Но Сейран уже вложил кинжал в ножны, накинул бурку и, выбегая, крикнул на пороге:

— Коли ты мне не веришь, посмотри у своей жены на груди черную родинку... полюбуйся черной родинкой.

Рустам оторопел, он даже выронил кинжал.

— Держи, держи его! Я его зарублю! — вопил молодой шемахинец, бросившись вдогонку за Сейраном.

— Поздно, он уже удрал!

— Воды, воды, парень умирает!

— Дайте воды, у меня грудь горит, — разбитым голосом попросил Рустам.

— Опомнись, Рустам, этот щенок покрыл себя позором и теперь хочет отомстить тебе, — наперебой повторили гости.

— Савад, — обратился Рустам к бородачу, — сию же минуту достань мне лошадь. Вот деньги, — он вынул кисет с деньгами и протянул Саваду.

— Что ты делаешь? — удивился Савад, отстраняя кисет.

— Ах, как они меня обманули, разбили мне жизнь! О мать моя, что ты со мной сделала? Родинка на груди! Значит, Сусан блудница?

— Рустам, да ты с ума сошел! Разве так можно говорить про жену? Она честная женщина! — в один голос заговорили гости.

— Откуда мне знать, сидя здесь за семью горами, честна она или нет?

— Да, это нехорошо, — согласился с ним молодой шемахинец.

— Родинка на груди! О-о-о!

И вдруг, сдержав себя, Рустам воскликнул:

— Друзья, если вы меня любите, если цените мою дружбу, умоляю сию же минуту нанять мне лошадь!

— Полно, Рустам, что за ребячество, — возразил Савад.

— Я знаю, все кончено. Найми мне лошадь.

— погоди до рассвета, а пока успокойся, на тебе лица нет.

— Проклятие таким друзьям! — рассвирепевший Рустам выбежал на улицу.

— Не пускайте его, братцы, держите! — кричал Савад, выбегая вслед за Рустамом.

Тут побежали и остальные. В лавке остался один приказчик.

Падал густой снег, и ветер крепчал.

Рустам скрылся в густой темноте.

К утру ветер утих. Бледное зимнее солнце осветило тихие белые поля.

Сейран, закутавшись в бурку, курил в углу своей каморки. Как он был жалок теперь! Густые, грязные волосы клочьями падали на побледневшее лицо.

Опухшие от бессонницы и вина глаза тупо смотрели в пол.

«Что я наделал, боже мой, что я наделал! — повторял он то и дело, пуская клубами дым. — И как только зародилась у меня в голове такая злобная мысль?» — с волнением думал он, высвобождая из-под бурки левую руку и разглядывая концы своих пальцев.

Иногда он нервно дрожал, как человек, который вспоминает что-то страшное и неотвратимое.

«Перенесет ли Рустам такой позор? О-о, все знают, что человек он смелый, крутой. Говорят, он в эту же ночь уехал в Шемаху. Зачем?.. Да кто же другой на его месте остался бы здесь? Разве может неукротимый, самолюбивый Рустам снести позор, да еще перед друзьями, так уважающими его?»

Сейран швырнул папиросу, встал и с буркой на плечах заходил по комнате.

«Вот она — честь! Теперь Рустам, конечно, отправился смотреть, есть ли родинка на груди Сусан. Мои слова подтвердятся, он увидит родинку. О, если бы было возможно уничтожить ее. Чем бы тогда окончилось все дело? Разумеется, моей гибелью. Впрочем, куда лучше погибнуть самому, чем быть причиной смерти ни в чем не повинного человека».

С глубоким вздохом Сейран ударил себя по лбу.

«О Сусан, какую беду я накликал на тебя! Ведь ты чиста и невинна, как дитя, как солнечный луч».

Но как могло случиться, что за какой-нибудь месяц сильная любовь сменилась безумной ненавистью? Кто виноват в этом? Уж не тот ли противный червь, который сидит в каждом из нас и называется самолюбием? Собаки, и те так не поступают. Сейран не мститель, а жалкий трус. Ведь он неделю назад своими глазами видел, как лезгин отомстил своему врагу: он встретился с ним лицом к лицу. Лезгин — мужчина: он борется только с женщиной и только на бурке¹⁹. Он никогда не будет мстить женщине. А Сейран! Кому он мстит? Сусан, этому слабому существу! И за что? Что она сделала Сейрану?

¹⁹ В Дагестане враги вступали в единоборство, обнажив кинжалы и стоя на разостланной бурке. Переступивший бурку считался побежденным.

Сейран подошел к окну и стал глядеть во двор караван-сарая. Его блуждающий взгляд нервно перебегал с одного предмета на другой. Простояв так долго, он отвернулся, скрестив руки на груди, и опять заговорил.

— Со дня рождения я не видел ни одного счастливого, ни одного спокойного дня. Так будет и впредь. Несчастливая девушка была отдана человеку, которого выбрали для нее родители. Она повиновалась. Что же она могла делать? Ничего. Нет, я поступил так подло, как не поступил бы никто. О боже, неужели я так тебе ненавистен, так забыт, что даже ни на одно мгновение ты не вспомнил меня в тот ужасный вечер? Что мне сделать, как помочь беде? Я готов на все. Тяжкий грех, слишком тяжкий. Хуже каинова убийства... Накажи меня, бог, умертви... Но нет... неужели я единственный виновник?

«Сколько ни думай, сколько ни ломай голову, а исход один».

Слезы покатались по впалым щекам Сейрана.

«Прощайте, родители, прощай, мать! Сейран так истерзал вас, что даже не смеет надеяться на снисхождение. Из-за него вы состарились на двадцать лет раньше. Простите меня и вы, Бархудар, Гюльназ, Смбат. Во всем виноват я один. Но как просить прощения у Сусан? Это было бы новым преступлением». И вдруг Сейран тряхнул головой.

«Решено! Нечего думать, разбитый горшок не склеишь. Осталось одно средство: вот оно!»

И Сейран, сбросив бурку, обнажил кинжал.

Глаза его заискрились безумным огнем, губы сжались, ноздри расширились. Сжимая рукоятку кинжала, он поднял его, подбоченился левой рукой и приставил острие к груди:

«Без покаяния и причастия, господи, предаю дух мой дьяволу. Кинжал мой, твой продавец так расхваливал тебя, покажи же свою доблесть...»

Но, вздрогнув, Сейран выпустил кинжал из ослабевшей руки; клинок вонзился в пол.

«Нет, не могу: господь не велит!.. Ведь этим не спасешь Сусан от смерти!.. Но поправить ошибку еще не поздно. Надо сейчас же нанять лошадь и догнать

Рустама, объяснить ему, что я сказал неправду, был пьян. Господи, хоть однажды помоги, а там да будет воля твоя... Всё в твоих руках, создатель мой: ты можешь сделать лошадь Рустама хромой, а моей дать крылья».

Сейран накинул бурку, опоясался кинжалом, перекрестился три раза и вышел. Стояла тихая, солнечная, но холодная погода. Сейран перебежал площадь и скрылся за поворотом узкой улицы.

14

Прошла неделя. Вечернее февральское солнце уходило за небосклон. Убогие полуразрушенные дома, груды камней и мусора загромождали грязные улицы Шемахи. Какое безотрадное зрелище! Колокольный звон возвещал субботний отдых. Седовласые старики, опиравшиеся на палки, и сторбленные старухи в чадрах плелись к старинной церкви, пострадавшей от последнего землетрясения.

Священники перед службой беседовали на паперти с благочестивыми прихожанами, сокрушаясь, что многие не ходят в церковь. Но вот явились и опоздавшие; вечерня началась.

Санам, одна из самых благочестивых прихожанок Шемахи, при первом же ударе колокола поспешила в церковь.

— Сусан, приготовь самовар: когда я вернусь, напьюсь чаю, — распорядилась она перед уходом.

— Хорошо, — ответила Сусан.

В первые шесть недель после свадьбы здоровье Сусан окрепло. На ее начинавшем увядать лице опять проступил легкий румянец. Но, увы, это продолжалось недолго. Вскоре она вновь стала чахнуть.

Санам не могла не видеть этого.

— Деточка, чего тебе не хватает, отчего ты таешь? — спрашивала она.

— Не знаю, — отвечала Сусан, тяжело вздыхая.

— Ну, а все-таки?

— Откуда мне знать, может быть я в положении...

— Неужели?

Узнав, отчего чахнет невестка, Санам перестала докучать ей своими утомительными расспросами.

Оставшись одна, Сусан уселась на тахту и начала рассматривать иссохшие руки.

— Ах, как я исхудала, пальцы, как лучинки: все косточки можно пересчитать. Она сложила руки на груди и задумалась.

Прошлой ночью ей приснился Сейран. О, как он изменился, какой был бодрый, веселый! И Сусан сама повеселела. Она подошла к любимому, взяла его за руку, хотела заговорить, но он, покосившись, вырвал руку, повернулся и, ничего не сказав, ушел. Со слезами Сусан смотрела вслед, а он шел не оборачиваясь. Она громко закричала: «Сейран, не покидай меня, это я, твоя Сусан!» Сейран оглянулся на миг, но что за страшное лицо у него было! Глаза горят, изо рта клубится пламя. Подняв руку, он произнес одно слово — какое?

— Сусан не расслышала. Она хотела догнать его, но Сейран бежал быстрее коня. Господи, что может значить этот сон? В ужасе проснувшись, Сусан взялась за сонник и прочитала: «День добрый, сон сбудется через сорок дней».

— Ах, как долго: сорок дней! И неужели сбудется? Господи, отгони напасти, помилуй нас!

И Сусан трижды перекрестилась.

Ей известно, что Сейран обиделся на нее. Но неужели он ее ненавидит? Не может быть. Он любит Сусан. Безумно любит. Но от этого и терзается Сусан. Мать говорит, что Айрапету хочется помириться с отцом, а Мариам-баджи не прощает Сусан и не хочет примирения. Сколько раз Сусан послала мать за Мариам-баджи, и все напрасно. Бедная женщина, если бы ты только знала все, знала бы, как скорбит Сусан, не скитался бы твой сын теперь неизвестно где. Говорят, он в Шуре. Зачем ему было ехать туда? Просто волосы встают дыбом при мысли, что там он может встретиться с Рустамом. Оба они погибнут — ведь они такие горячие. О, как была бы счастлива Сусан, если бы она могла погибнуть вместо них!

Сусан печально опустила голову. Вся жизнь проходила перед ее взором. Вот летние дни и веселые игры с Сейраном. А вот ужасный день землетрясения, когда их обоих засыпало землей. Зачем она не умерла тогда же?

Припомнила Сусан и учительницу, изможденную, сухую монахиню, по нескольку раз в день заставлявшую учениц твердить «Отче наш». И как монахиня усердно молилась вместе с ученицами, шевеля посиневшими губами. Умерла она, бедняжка, и теперь порхает в раю...

Вспомнила Сусан и подруг. Пришли ей в голову слова Сусамбар о самоубийцах, которых бог без суда отсылает в ад. И она бессознательно стала смотреть в потолок.

Чем виновно крошечное создание, которое должно вскоре появиться на свет? Она снова перевела взгляд на пальцы рук. — Ах, как я похудела, а тут еще сердцебиение. Это потому, что я почти ничего не ем. Господи, да ведь это тоже самоубийство!

Сусан упала на колени, подняла руки к небу и стала просить у бога смерти. Длинные косы упали на ее исхудалые плечи.

15

Звон церковных колоколов разносился по морозному воздуху. По дороге, ведущей в Кубу, показался всадник в лезгинской косматой папахе и черной бурке.

Это был Рустам. Его усталая лошадь еле передвигалась. Целых семь дней он почти без остановок скакал из Шуры в Шемаху.

— Осквернили мое имя, в двадцать семь лет я опозорен! — повторял Рустам, нахлестывая коня.

Поглощенный этой мыслью, он не замечал ни ветра, ни метели.

Еще полчаса, и он будет в Шемахе, увидит Сусан. Но странное дело! Целую неделю он торопился сюда, только и думал о предстоящей встрече, и вот теперь, когда путь подходит к концу, он вдруг перестал спешить. Мысль, на миг мелькнувшая, когда он выбежал из лавки искать лошадь, теперь все упорней преследовала его:

«Как поступить, если Сейран прав?»

Он остановил коня и окинул взором, видневшийся вдаль город. Вот церковный купол; Рустам уже дома. Зачем он приехал? Как, неужели он этого не знает? Приехал узнать правду о жене. Ну, хорошо; если Сейран окажется правым, что же делать?

И Рустам тронул коня. Колокольный звон все приближался. Путник задрожал. «Бедная мать теперь, должно быть, закутавшись в чадру, молится за своего единственного сына».

Но надо же узнать правду. Надо узнать, кто тут главный виновник. Ну, положим, родинка... Ах, эта родинка!

Рустам ударил себя по лбу.

«Допустим, что родинка окажется на месте. Допустим, что Сейран не лгал. Но кто же виноват во всем этом? Ведь Сусан просватала за него родная мать: значит, и она в этом деле участница, значит, и она виновата. Помогала тут и Шппаник — боже мой, сколько виновных!»

Рустам хлестнул коня и скоро очутился на окраине города. На улицах начали попадаться знакомые, поздравлявшие его с приездом. Но занятый своими мыслями, он никому не отвечал.

Наконец-то он у родного очага. Рустам сдержал коня.

«Ну, вот доехал. Господи, сделай, чтобы не было этой родинки, чтобы мне не видать ее и не сделаться добычей адского огня. Не хочется мне проливать кровь. О, если бы я мог пронзить себе сердце и собственной кровью смыть это пятно с груди Сусан!»

Спрыгнув с седла, Рустам толкнул ворота и очутился на дворе.

Он увидел стоявшую на балконе женщину. Точно кто-то оглушил его: поводья выпали из рук, и он, сделав несколько шагов, остановился. Женщина продолжала смотреть на него. Подняв поводья, Рустам кивнул ей.

Сусан не верила своим глазам: приехал муж! Оцепенение прошло, она очнулась, крикнула что-то и быстро спустилась с крыльца во двор. С радостной улыбкой она подбежала к мужу. Однако его суровый взгляд приковал

ее к месту.

— Где твоя свекровь? — повелительно и грубо спросил Рустам.

— В церкви. — И Сусан скрестила руки на груди и опустила голову, точно приговоренная.

Рустам передал ей узду.

— А кто дома?

— Я одна.

— Так отведи лошадь в конюшню, привяжи и дай ей корму.

— Сейчас. — И Сусан торопливо повиновалась.

— Скорей кончай и возвращайся, — сказал ей вслед Рустам, снимая бурку.

— Какой она прикидывается тихоней! — пробормотал он, глядя на уходившую жену.

Поднявшись на крыльцо, он не разулся и вошел в комнату в дорожных сапогах. Вскоре на дворе послышался голос Санам:

— Да что ты говоришь, детка, где же он, где? У меня сердце разорвется...

Услышав это, Рустам недовольно буркнул:

— Обрадовалась!

Санам бросилась к сыну как полоумная.

— Рустам, сыночек мой, ты ли это? Стать бы мне жертвой твоей! Дай поцеловать твои прекрасные глазки!

Но обожаемый сынок сурово отвернулся.

— Ой, позор моим седидам: родной сын отталкивает мать! И тебе не стыдно, Рустам? Дай я расцелую тебя: ведь я истосковалась... Ах, чтоб мне ослепнуть! Сусан, живей самовар, чаю! Сыночек иззяб, надо согреть его! Что же ты молчишь, голубчик мой?

И Санам дребезжала без конца, суетясь вокруг Рустама и сама отвечая на свои вопросы.

Сусан принесла самовар. Сбросив чадру, Санам зажгла настольную лампу. Простодушная старуха еще не понимала, в каком состоянии сын, но когда свет лампы упал на его лицо, выразившее страдание, она пришла в ужас.

— Да что с тобой, сыночек? Что ты такой хмурый, уж не болен ли?

— Устал, — процедил Рустам.

— Отдохни же, отдохни, сынок. Мы тут нежились в тепле да холе, а ведь ты в лютую зиму скакал по горам и по долам. Чтобы мне пусто было! Сейчас я приготовлю тебе, детка, постель, а ты смени белье, не то простудишься. Напейся чаю, покушай и ложись. Сусан, Сусан, куда же ты пропала, давай чаю, да скорей свари пилав!

Сусан налила два стакана чая. Рустам их выпил один за другим, велел поскорее приготовить себе постель.

— А ты выйди пока в другую комнату, — сказал он матери.

— Как? Мне выйти? — изумилась Санам.

— Да, я немного отдохну, а завтра поговорим.

— Уж головка у тебя не болит ли? Не простудился ли? Ты что-то скрываешь от меня.

И Санам приложила руку ко лбу сына.

— Отвяжись! — грубо оттолкнул ее Рустам.

— Да у тебя жар, постой, мы сделаем примочки, — продолжала старуха. — Вот видишь, Сусан, говорила я тебе утром: либо приедет сынок, либо письмо придет. Видела я во сне тебя, Рустам, на белом коне: это к богатству. Ты будто мчишься, а я за тобой...

— Ладно, завтра доскажешь, — оборвал ее Рустам.

— Уж я с радости совсем заболталась. Варенья хочешь?

— Нет, и, если ты меня любишь, оставь меня.

Сусан, между тем, скрестив руки, смотрела то на мужа, то на свекровь. Взгляды Рустама заставляли ее опускать глаза.

Санам приготовила постель и села за чай, прекратив, наконец свои бесконечные расспросы. Только раз попыталась она спросить о чем-то, но сын опять решительно оборвал ее и попросил оставить его в покое.

Как ни тяжело было старухе покинуть сына, но, зная его характер, она смирилась и ушла в свою комнату, которую отделяла от комнаты Рустама просторная прихожая.

16

Оставшись с женой, Рустам велел убрать самовар и запер дверь. Целый час ходил он взад-вперед по комнате, не говоря ни слова; а Сусан, по-прежнему скрестив руки на груди, пристально смотрела на мужа. Она хотела и не могла заговорить с ним. Наконец Рустам остановился и одетый, с кинжалом на поясе, лег на постель.

— Подойди ко мне! — приказал он Сусан.

Она подошла, дрожа, с опущенной головой.

— Дала ты лошади корму?

— Да.

— И много?

— Много.

— Гм, — пробормотал Рустам и продолжал. — Какая мягкая постель! Для кого она?

На этот странный вопрос Сусан не нашла ответа.

— Ты не слышишь? Для кого, я спрашиваю, эта постель?

— Для тебя.

— Для меня? Земной поклон тебе и благодарность... Отойди от меня, сатана!

Сусан испуганно отшатнулась.

— Так для меня?

— Для тебя.

— А другая?

— Какая другая?

— Другая постель?

Сусан старалась избежать испытующего взгляда мужа.

— Так не понимаешь?

— Чего?

— Я спрашиваю тебя... Будь ты проклята, сатана!.. Я спрашиваю, где вторая постель?

— Да ты, о чем? — спросила дрожащим голосом ошеломленная Сусан.

— Я спрашиваю, где твоя вторая постель?

— Не понимаю.

— Не понимаешь? Та постель, что...

Рустам не мог договорить, у него горло перехватило. Вскочив, он заметался по комнате.

«Ах, ведьма, как она умеет притворяться. Как будто ничего не понимает... а вдруг и точно окажется родинка? Боже мой, что я сделаю тогда? Хотя, может быть, Сейран видел родинку в детстве? Может быть, даже и не видел никогда, а слышал от матери? Нет, нет! Ну, а происшествие на свадьбе? А разговор двух парней в ту ночь? Впрочем, мне удалось выяснить, что все это ложь. А мать-то, мать... Ах, глупая старуха!»

И вдруг Рустам крикнул на весь дом:

— Садись!

Сусан не двигалась.

— Садись, говорят тебе!

Сусан села.

«Нет, погожу еще».

Прошел еще час. Наконец Рустам открыл дверь, выглянул, снова запер и сел.

— Так ты не хочешь отвечать? — он обернулся к жене, сидевшей на тахте. —

Где твоя другая постель?

— Какая?

— На которой ты, распутная шлюха, спишь с Сейраном!

Сусан подскочила от ужаса и уставилась на мужа.

— Сейран!.. — вырвалось из ее уст.

— Да, Сейран... Ты разве не знаешь сына горшечника Айрапета?

Сусан молчала.

— Отвечай же, собачье мясо, отвечай, ты знаешь его? — и Рустам неистово дернул руку жены. — Знаешь?

— Знаю, — с трудом произнесла Сусан.

— Кто он такой?

— Сын нашего соседа.

— Сын соседа и твой... второй муж, не так ли?

Рустам задыхался.

— Да ты, о чем? — пролепетала Сусан.

— Кто я? — спросил Рустам, не сводя глаз с жены.

— Рустам.

— Кто я тебе?

— Муж.

— Врешь, окаянная, твой муж Сейран! Сознаться, не то...

Он бросил ее руку, отступил и выхватил кинжал. Клинок блеснул как молния.

По телу Сусан пробежала дрожь, но вдруг она как будто что-то вспомнила.

— Теперь все понятно, Рустам, злые языки тебя сбили с толку. Я была невестой Сейрана; пока не было тебя, мои родители хотели меня выдать за него.

— Ты его любила, проклятая, признавайся, это всему городу известно.

— Да, любила и люблю. Но, Рустам, я не нарушила чистоту твоего брачного ложа, я невинна...

— И любишь и невинна? Замолчи, подлая! Была ты с ним в связи, сознавайся!

— Пускай душа моя станет добычей ада, если я лгу. Я люблю Сейрана, но у меня с ним ничего не было.

— Сейран сам все рассказал.

— Не может быть. Он солгал!

— Нет. Раскрой свою грудь!

Сусан не понимала.

— Покажи мне грудь, не то... кровь ударила мне в голову.

Сусан бессознательно дрожащими руками расстегнула сорочку.

Рустам, держась за кинжал, подошел и, нагнувшись, посмотрел.

— Вот она, родинка! Сейран не солгал!

Скрежеща зубами, с криком бросился Рустам на жену, охватил ее стан сильной рукой и впился, как пиявка, в родинку.

От страшной боли не помня себя, Сусан пыталась защищаться, задела рукой за кинжал и порезалась. Послышался слабый крик. И тело Сусан, выскользнув из рук Рустама, упало на пол.

Рустам стоял над ней с окровавленным кинжалом. Лицо его было ужасно.

Наконец он отбросил кинжал, наклонился над Сусан и принялся рассматривать ее грудь. Струйки алой крови бежали по белому, как мрамор, телу. Рустам достал платок и вытер рану.

— Вот она, родинка, я не там искал ее!

Сусан шевельнулась, раскрыла глаза и шепнула:

— Я невинна, невинна. Господи, ты все знаешь, прости меня и прими мой дух.

Рустам неподвижно глядел на нее. Вдруг он вскочил и схватился за кинжал:

— Знай же, подлая тварь, я — Рустам! Как ты смела обманывать меня, я мужчина, у меня есть честь!

Послышался нечеловеческий крик, затем все смолкло...

Дверь загрохотала, в комнату с воплем вбежала Санам.

Наступило утро. Все шемахинские армяне толпами спешили к дому Санам. Старики и дети, мужчины и женщины торопились сюда; городовые их разгоняли, но безуспешно.

— Ах, как жалко красавицу! — слышались голоса.

— Всем взяла: и красотой, и сердцем.

— Несчастливая стала жертвой зверя...

— Тут не Рустам виноват, — заметил юноша лет двадцати.

— Как так?

— Виноват глупый обычай нашего города, — продолжал юноша. — Закроют девушке лицо и выдают за незнакомого человека. А тот составляет мнение о жене с чужих слов.

— Ну, да что говорить: что предначертано богом, то и сбудется, — прервал юношу пожилой мужчина.

В доме на полу лежала окровавленная Сусан. Первые солнечные лучи освещали ее лицо. Казалось, светлый ангел осенял крылом этот невинный облик. Пышный узорный ковер был весь залит кровью. Вокруг теснились родные и друзья. Несчастливая Гюльназ, склонившись над трупом, рвала на себе волосы, терзала ногтями грудь. Ее ужасные вопли заставляли людей содрогаться. Тут же стоял Бархудар, сложив на груди руки. На бледном лице его едва замечались признаки жизни: в старческих глазах светилось нестерпимое, невыразимое страдание. Сусамбар, сидя на полу, осыпала поцелуями бездыханное тело любимой подруги. Двое юношей напрасно старались успокоить Смбата, отгаскивая его от мертвой сестры. С обнаженной грудью, всклокоченными волосами, сверкая безумным взглядом, Смбат дико кричал:

— Пустите, я убью Рустама как собаку!

Мариам-баджи стояла на коленях у ног покойницы. Слезы так и бежали по ее исхудалому лицу, костлявые руки царапали грудь.

Айрапет толкался тут же. Добродушный старик как будто не понимал того, что происходит. Иногда он вскрикивал, но никто его не слушал.

Двое полицейских, стоя перед комнатой Санам, удерживали обезумевшую старуху, которая бесновалась и рвалась к сыну.

— Дайте мне, окаянные, взглянуть на сынка! Ведь его в тюрьму уводят...

А что же делал в это время Рустам, главное действующее лицо этой драмы?

Справа от него стоял полицмейстер, слева восседал за столиком следователь; он испытующе смотрел на преступника и, поправляя пенсне, задавал ему

обычные вопросы. Рустам молчал. Он как будто ничего не слышал. И только твердил одно: «Я убийца». Не добившись другого ответа, следователь сложил бумаги и повернулся к полицмейстеру:

— Поместите его в отдельной камере впредь до распоряжения.

Рустама повели, но не успел он переступить порог, как к нему с криком подбежал юноша, весь запыленный, в дорожной одежде.

— Сейран! Это ты? Не мешайте мне, пустите, я его убью как собаку! — заревел Рустам.

Полицейские удержали его.

А Сейран кричал:

— Не подпускайте его к Сусан! Я все налгал: она невинна, как ангел. Не я, а моя мать видела родинку в бане.

— Она невинна, я погубил свою душу! — воскликнул Рустам и, обессиленный, упал на руки полицейских.

Толпа расступилась перед Сейраном. Он бросился туда, где был распростерт труп его любимой.

Еще минута, и толпа услышала выстрел.

— Ой, дитя мое!..

Это был нечеловеческий вопль Мариам-баджи.

1885 г.

Тифлис